

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

Т
ЕРБЕРТ
У
ЭЛЛС

- Герберт Уэллс
 - Вступительные замечания
 - К читателю
 - Музыка
 - Меморандум,
 - 1. Перед Второй мировой войной
 - 2. Тень войны над Эвритауном
 - 3. Сочельник Джона Кэбэла
 - 4. Над Эвритауном
разразилась война
 - 5. Вторая мировая война
 - 6. Два летчика
 - 7. Нескончаемая война
 - 8. Бродячая болезнь
 - 9. Эвритаун под властью
босса-патриота

- [10. Реконструкция](#)
 - [11. Маленькая девочка узнает о новом мире](#)
 - [12. Новое поколение](#)
 - [13. Мировая аудитория](#)
 - [14. Борьба за межпланетное оружие](#)
 - [15. Межпланетное оружие стреляет](#)
 - [16. Финал](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
-

Герберт Уэллс

Облик грядущего

(сценарий)

Вступительные замечания

Это прежде всего зрелищный фильм. Он показывает, как современная война разрушает мир, как разрывается ткань общества, как мир опустошает новая моровая язва, «бродячая болезнь», главный ужас которой заключается в том, что заболевший ею, подобно овце, пораженной вертячкой, непрерывно движется, пока смерть не заставит его остановиться. Эта новая чума завершает собою процесс социальной дезорганизации, начатый войнами. Болезнь, однако, не до

конца истребила человечество; многие спаслись благодаря естественному иммунитету, и среди них есть немало таких, которые помнят порядок и науку дней своей молодости.

Современная цивилизация погибла удивительно быстро — на протяжении всего лишь нескольких десятилетий; еще не забыта пора расцвета — многообещающее начало двадцатого века; и вот после промежутка, в течение которого большинство областей земного шара находилось под варварской властью главарей воинственных разбойничьих шаяк, люди науки и техники, в частности авиаторы и инженеры транспорта,

объединяются, воскрешают старые механизмы и строят новую цивилизацию на разумных началах. На этот раз они создают Мир во всем мире, ибо политические границы и стеснения нынешней нашей эпохи сметены сорока годами сумятицы. Это научный общественный строй; ибо какой же иной выход из вечного конфликта может обещать грядущее?

Книга, по которой построен этот сценарий, — «Облик грядущего»^[1], по сути своей является дискуссией на тему о социально-политических силах и возможностях, а в фильме споры неуместны. Поэтому выводы этой книги в фильме подразумеваются, и для

показа их измышлена новая фабула — вначале повесть жизни некоего авиатора Джона Кэбэла, который остался невредим, пройдя через горнило войны и эпидемии, и сделался седовласым вождем и вдохновителем летчиков, а затем, во второй части, повествование о его внуке Освальде Кэбэле, главе Мирового Совета. Освальд — живое воплощение духа человеческой предприимчивости, вступающего в новый конфликт с консерваторами и ретроgrадами, еще довольно сильно представленными в человеческом обществе.

Фильм начинается короткими, быстро сменяющимися одна другую

картинами войны, разрушений и все более беспросветной нищеты, развертываясь затем в грандиозное зрелище реконструированного мира. Сделав огромное моральное и интеллектуальное усилие, человечество разрешило основные экономические и социальные проблемы, удручающие нас в настоящее время, и живет либо в здоровых и прекрасных местностях, либо в больших полуподземных городах, расположенных среди гор и залитых искусственным светом; в них чисто и красиво, воздух отлично кондиционирован. Избыток энергии люди направляют на конструктивное и творческое искусство и науку. Суть

науки — в неустанном исследовании, и некоторым из молодых и смелых умов захотелось непременно достичь луны. Вокруг этого завязывается конфликт заключительной части. Дочь Кэбэла и ее возлюбленный, Морис Пасуорти, пожелали первыми покинуть землю и отправиться на луну; их кандидатуры приняты, так как физическое состояние их идеально, и Кэбэл разрывается между чувствами отцовской привязанности и героического увлечения. У эстетски настроенной части общества экспедиция вызывает ожесточенный протест; эти эстеты возмущены суровостью режима, введенного учеными, и тем, что

молодым и красивым людям грозят бессмысленные (по их мнению) опасности, лишения и смерть. Главарем этого бунта становится красноречивый поэт и художник Теотокопулос. Он требует возврата к тому, что он называет «простой и естественной жизнью». И фильм показывает столкновение между консервативными инстинктами человека и его мужеством и предприимчивостью — столкновение, поводом к которому служит гигантское Межпланетное орудие — и кончается вопросительным знаком среди звезд.

К читателю

Этот сценарий первый, который автор писал специально для экрана, и он дался ему с гораздо большим трудом, чем какой бы то ни было из последующих. На нем он выучился этому ремеслу. Его первый опыт в жанре киносценария, немой фильм «Король по праву», был не более чем любительским опытом, и он так и не попал на экран. Читателю здесь предлагается последний из нескольких вариантов. Первый из них был подвергнут обсуждению, над ним немного поработали и отклонили его. Это была

ученическая попытка, и автор считает себя в большом долгу перед Александром Корда, Лайошем Биро и Камероном Мензисом, которые во время этой работы предоставили в его распоряжение весь свой опыт. Общая концепция сценария их очень заинтересовала, но они нашли его совершенно непригодным для постановки. Тогда был написан второй вариант. Произведя в нем некоторые изменения, его превратили в сценарий обычного типа. Этот сценарий также был отвергнут ради еще одного варианта, который опять-таки был пересмотрен и вылился в форму, ныне предлагаемую читателю. Корда

и автор договорились о новой для кино системе работы — о полном отказе от детально разработанного режиссерского сценария и о постановке фильма прямо на основе описательного варианта, приведенного здесь. На практике это оказалось вполне осуществимым — при наличии компетентного режиссера. Однако к этому времени автор, уже почти прошедший трудный путь ученичества, устал и как-то охладел к измененному, пересмотренному и перестроенному тексту; и хотя он добросовестно старался писать сносной кинопрозой, у него осталось неприятное ощущение, что многие

странные и неуклюжие выражения, вкравшиеся в сценарий, настолько примелькались ему, что он их не заметил и потому не мог устранить.

Музыка

Музыка входит в этот фильм как его неотъемлемая часть, и композитора Артура Блисса следует считать его соавтором. В этом, как и во многих других отношениях, настоящий фильм — по замыслу по крайней мере — является смелым эксперименте. Звуковые и зрительные образы нужно было тесно переплести между собой. Музыка Блисса не должна рассматриваться как некое необязательное приложение. Она необходимая составная часть замысла. Музыка вступления быстрая

и беспокойная, все больше нарастает угроза. Потом грохот и сумятица современной войны. Во второй части скорбные мелодии и жуткие паузы периода эпидемии. В третьей — в военную музыку и патриотические гимны врывается стук моторов — возвращение летчиков. Этот стук переходит в машинное крещендо периода реконструкции. Музыка убыстряется, становится все благозвучнее и нежнее по мере того, как с повышением производительности исчезает напряженная трескотня, отличавшая зарю машинной цивилизации начала девятнадцатого века. В музыке нового мира звучит широта и

веселье. Ей противопоставлен мотив
реакционного мятежа,
оканчивающегося бурной победой
новых идей в тот момент, когда
Межпланетное орудие стреляет и
лунный цилиндр отправляется в свое
знаменательное странствие. В
заключительных фразах слышно
предчувствие торжества человека —
героический финал среди звезд.

Нельзя утверждать, что в фильме
удалось так тесно переплести
зрительный образ с музыкой, как мы
с Блиссом надеялись. Внедрение
оригинальной музыки в фильм во
многих отношениях еще остается
нерешенной проблемой. Но
превосходная музыка Блисса

исполнялась и самостоятельно и
записана на граммофонные
пластинки, доступные всем
желающим.

Меморандум,

розданный во время работы над фильмом всем имеющим отношение к моделированию и выполнению костюмов, декораций и пр. для заключительной фазы «Облика грядущего» (2055-й год нашей эры).

В нашей работе мы должны руководствоваться некоторыми принципами, пока еще, к сожалению, до конца не усвоенными. Поэтому я не стану извиняться, повторяя здесь эти принципиальные установки

возможно отчетливее.

Во-первых, в финальных сценах мы показываем более высокую фазу цивилизации по сравнению с нынешней — она богаче, более упорядочена, производительность выше. В этом лучше организованном мире не будет заметно спешки, будет меньше скученности, больше досуга, больше достоинства. Суэта, давка и напряжение современной жизни, обусловленные бесконтрольной властью машин, не должны возводиться в n-ую степень, напротив, о них надо забыть. Вообще говоря, вещи, здания будут огромны, это так, но они не будут чудовищны. Люди не будут рабами, не будут все

на одно лицо, они станут свободными и разнообразными. Галиматью, вроде той, что мы находим в таком фильме, как «Метрополис» Фрица Ланге с его «роботами» — механическими рабочими, сверхнебоскребами и пр. и пр. — нужно раз и навсегда выбросить из головы перед тем, как приступить к работе над данным фильмом. Как общее правило мы должны усвоить себе, что то, что сделал Ланге в «Метрополисе», прямо противоположно тому, чего добиваемся мы. Воины фаланги, или зулусских отрядов, или пехоты восемнадцатого века, рабы на галерах, рабочие первых фабрик,

крестьяне — вообще
«простолюдины» прошлого были
бесконечно однообразнее и
«механичнее» каких бы то ни было
людей будущего. Машины
раскрепостили людей, и те
перестали быть похожими на
машины. Это надо твердо помнить.
Рабочие, которых вы должны
показать, — это
индивидуализированные рабочие,
дружно и с чувством
ответственности исполняющие
общее дело.

Таковы же будут и рабочие
костюмы. Специальность не будет
бросаться в глаза. Вы не увидите
суетливых людей в чудовищных

нарядах, не увидите огромных очков, ватных комбинезонов и других атрибутов первых летчиков. Люди не будут сплошь обложены всякими вещами, словно они только что ограбили известный лондонский универсальный магазин Гэмеджа. Люди грядущего будут, конечно, носить с собой эквиваленты кошелька, бумажника, вечного пера, часов и т. д. и т. п., но эти вещи будут незаметны, они подчинятся стройному декоративному плану. При обсуждении музыки для этого фильма мы решили, что в первой фазе Реконструктивной части она должна передавать людские усилия и стук машин, но затем, с увеличением

плавности хода машин, эти звуки растворятся в гармонии и плавном, почти беззвучном движении; собственно, и костюмы не должны быть шумными, кричащими. Люди будущего не будут оснащены наподобие телефонных столбов или выглядеть так, словно только что выскочили из электромеханической мастерской. Они не будут носить костюмов из целлофана, освещенных неоновыми лампочками, или еще чего-нибудь в этом роде. Не забывайте, что самые экстравагантные костюмы, известные человечеству, — это костюмы, в которые наряжаются дикари для церемониальных плясок.

Как я не раз говорил, человек будет носить при себе разнообразные легкие аппараты, вроде портативного радио, электрического фонарика, бумажника; современный костюм, уже сейчас широкий в плечах, поскольку надо уместить в нем бумажники и вечные перья, станет еще шире в плечах и сузится в талии и ниже, напоминая больше всего из всех стилей прошлого «тюдоровский» (ренессанс). Нам нужны тонкие материалы, но ничего экстраординарного. Для такого человека, как Кэбэл, мне нужен белый или серебристый костюм из совершенно гладкого материала. Я хочу видеть его изящным

джентльменом, а не подбитым ватой сумасшедшим или закованным в броню гладиатором. На груди он носит радиотелефонную установку, не более заметную, чем нагрудный карман современного пиджака, а на запястье — изящный нарукавник, заключающий в себе разные мелкие аппараты, — эквивалент современного вечного пера и, так сказать, визитной карточки — опознавательный знак. Его у меня носят все. На шелковистом костюме Кэбэла можно показать красивую вышивку или рисунок.

Освобожденная энергия будущего, наверное, найдет себе выход в детальных украшениях.

Костюм Пасуорти должен быть чрезвычайно декоративным. Морден Митани любит эффектный черный цвет. Теотокопулос впадает в вычурность — широкий плащ, пышный костюм. Одеяния будут выдержаны в одном стиле, но в пределах этого стиля весьма разнообразны. Некоторые женщины, особенно молодые и хорошо сложенные, будут одеваться, как юноши, но по неоспоримым эстетическим соображениям иные из них будут носить довольно длинные юбки. В чистом городе без улиц нет гигиенических препятствий к тому, чтобы носить даже очень длинные юбки. А широкие плечи, которые

будут дозвѣть над мужским и (по контрасту или из подражания) над женским костюмом, так и просят плаща — самого живописного из одеяний.

Вот руководящие правила. Они указывают ограничения и объясняют стиль, но в пределах этих ограничений и стиля я сказал бы нашим декораторам: «Ради бога, высказывайтесь смелее». Но помните, платья должны быть изящны; никаких кошмаров, никакого джаза. Люди не ходят в стеклянных кружках, в алюминиевых котлах, в броне или в целлофане. Они не будут одеваться как свѣрхсандвичмены^[2]. Не будут они также обременять себя

большими париками и корсетами. Не будут они и «нюдистами» — им не нужно ни адамовой, ни ангельской наготы. Быть изобретательным и оригинальным — вовсе не значит быть экстравагантным и глупым. Сделайте милость, дайте новому миру изящное и достойное платье!

1. Перед Второй мировой войной

Это краткий показ современного человечества. Открывается он толпами куда-то идущих и спешащих людей. Кадр пересекает бледнеющая затем надпись: «Куда идет человечество?» Быстрая смена кадров создает впечатление многолюдности, спешки, путаницы и бессилия нашего мира. Толпы и города появляются и переходят в аналогичные сцены в других местах; на мгновение мелькают людные города — Париж, Токио, Милан, Вальпараисо, Тимбукту.

Подробнее одна из следующих сцен.

Либо: толпы, идущие по Бруклинскому мосту, огромное движение и суeta на реке под мостом.

Тауэрский мост, разведенный для пропуска парохода, река кишит судами, на пристанях энергично работают подъемные краны.

Столь же кипучий Бременский порт.

Либо: движение и толпы у Эйфелевой башни.

Достаточно одной из этих сцен. Она должна соответствовать сцене, выбранной для конца VII части.

После таких картин городской

жизни экран напоминает нам о контрастных видах деятельности, как-то: мелкие запашки, затем сцены уборки хлеба современными машинами; крестьянская телега плетется по дороге, а затем битком набитые поезда и платформы. Качается крестьянская колыбель, затем наплывом картина методической работы современной клиники охраны младенчества. Колесник-кустарь за работой и большой автомобильный завод.

Монетный двор, печатают бумажные деньги.

Крупным планом показаны машины, выбрасывающие готовые деньги, и банковские служащие, все

быстрее и быстрее передающие кому-то пачки их.

Потом паника на Уолл-стрит или на Парижской бирже.

Все это должно быть очень коротко. Надо молниеносно показать зрителю знакомые, типичные сцены и виды деятельности и тем самым напомнить ему о главных аспектах современного мира. Я думаю, что лучше всего будет, если умелый редактор составит эту часть фильма из уже существующего материала. Чем материал знакомее, чем он живее, тем лучше.

По мере того как кадры все быстрее следуют один за другим, слова «КУДА ИДЕТ

ЧЕЛОВЕЧЕСТВО?» еще раз на момент пересекают экран, а затем бледнеют, и мы переходим ко второй части, в которой начинается локализованная и личная повесть.

2. Тень войны над Эвритауном

Эвритаун — это любой большой город нашего времени. На заднем плане его характерная линия холмов, повторяющаяся на протяжении всего фильма с целью напомнить нам о том, что мы прослеживаем судьбу одной типической группы населения, и в нем есть «центр» — большая Базарная площадь, с большими отелями, общественными зданиями, кинематографами, киосками, памятниками, трамваями и пр.

Сначала дается общий вид Эвритауна с гребня возвышающихся

над ним холмов. На переднем плане мы видим рабочих, спускающихся с горы в город, а под горой видим весь Эвритаун, его предместья и Базарную площадь; ясный вечер, сочельник.

Потом мы попадаем на Базарную площадь. Кой-какими чертами она напоминает Трафальгар-сквер, или Базарную площадь большого города, или Рождественская торговля в полном разгаре. На одном из главных зданий загораются электрические буквы — редакция газеты сообщает последние новости: «Европа вооружается...»

Аппарат перескакивает с движения на площади к световому анонсу: «Тревожная речь министра

воздушных сил».

Огромная витрина, полная рождественских игрушек. Дети и матери смотрят и любуются.

Останавливается автобус, выходят люди. На автобусе видны обычные газетные плакаты с яркими заголовками об опасном международном положении: «Спор о проливах. Положение напряженное».

Вход в станцию метрополитена. Обычное движение. У входа стоит газетчик. На его плакате мы читаем: «Еще 10.000 аэропланов». Но он выкрикивает: «Победителями вышли...»

В автобусе девушка разворачивает газету и

просматривает первую страницу, пестрящую заголовками статей о военной опасности. Она не задерживается на этой скучной материи; переворачивает страницу и со страстным интересом углубляется в статью о модах.

Во время всех этих сцен люди с пакетами движутся взад и вперед. Это мирная и довольно веселая рождественская толпа покупателей. Никто, по-видимому, не задумывается всерьез об опасности войны. Слишком часто раздавались крики: «Волк!» Только аппарат обращает внимание зрителей на нависшую над миром угрозу.

Здесь начинается самая повесть.

Мы видим научную лабораторию, в которой усердно работает молодой Хардинг, двадцатидвухлетний студент. Это маленькая, недурно оборудованная лаборатория муниципальной школы, выходящая на Центральную площадь. Не химическая, а биологическая лаборатория. Видны два микроскопа и масса стеклянной посуды, краны и т. п., но не очень много колб и ни одной реторты. (Впоследствии эта лаборатория будет показана в разоренном виде, без стекла и ломких предметов.) В открытое окно доносится рев газетчика: «Военный кризис!» Хардинг с минуту прислушивается: «К черту эту

военную дребедень!» Он закрывает окно, чтобы не слышать шума. Смотрит на часы и начинает убирать препараты и записи.

Вначале мы его видим в опрятном лабораторном комбинезоне. Потом он снимает его.

Тихая дорога за городом, по бокам ее уютные особняки; по ней идет Хардинг. Он проходит в дом через калитку палисадника.

3. Сочельник Джона Кэбэла

Мы видим темноватый кабинет, в котором Джон Кэбэл сидит, задумавшись над газетой. Обстановка комнаты указывает на то, что он имеет отношение к авиации. Над каминной полкой висит лопасть пропеллера, на полке стоит модель. На столе под газетой лежат какие-то чертежи.

Рука Кэбэла с часами на ней лежит на вечерней газете. У него привычка барабанить пальцами, которая показана и в этой сцене и в дальнейшем. Аппарат направлен на

эту руку и газету.

Читаем заголовки:

ИВНИНГ НЬЮС
Лондон 24 декабря 1940
года. 1 пенс.

Широкая шапка: «Спор о проливах. Положение напряженное».

Заголовки столбцов: «Тревожная речь министра воздушных сил. Еще 10.000 аэропланов».

(Эта газета должна, в сущности, повторять лондонский «Ивнинг Стандарт». Рядом с заголовком обычные вставки — предсказание погоды и часы зажигания фар. Это вечерний выпуск, содержащий также

последние котировки Сити.) Кэбэл размышляет. Он смотрит на дверь. Входит Хардинг. Он приближается к Кэбэлу. Увидел газету и заголовки.

Кэбэл. Хелло, юный Хардинг! Вы нынче рано.

Хардинг. Я кончил. Начинать что-нибудь новое было уже поздно. О чем это так громко орут газетчики? Что это сегодня за шумиха в газетах, мистер Кэбэл?

Кэбэл. Опять войны и слухи о войнах.

Хардинг. Пугают волком?

Кэбэл. Когда-нибудь волк да появится. Эти олухи на все способны.

Хардинг. И что будет тогда с

медицинскими исследованиями?

Кэбэл. Их придется прекратить.

Хардинг. Тогда и мне крышка. Я, собственно, только это и люблю. Это и Марджори Зоум, разумеется.

Кэбэл. Вам крышка? Разумеется. И вашей работе. И вашей свадьбе. Всему крышка. Господи, да если война опять сорвется с цепи...

Кэбэл и Хардинг оборачиваются к двери, в которую входит Пасуорти.

Пасуорти. Хелло, Кэбэл! С рождеством христовым! (Поет.) «Покуда пастыри в ночи свои стада блюли...»

Кэбэл кивком указывает на газету. Пасуорти берет ее и бросает с негодованием.

Пасуорти. Да что вы выдумываете? О, эта заварушка на материке не означает войны! Люди, которым угрожает смерть, живут долго. Войны, которыми угрожают, не начинаются. Опять его речь. Пустое, говорю я вам! Просто для того, чтобы подстегнуть публику насчет кредитов на воздушный флот. Не напрашивайтесь на войну. Смотрите на вещи с их светлой стороны. У вас все в порядке. Дела поправляются, прелестная жена, отличный дом.

Кэбэл. В мире все в порядке, а? В мире все в порядке. Пасуорти, вас следовало бы называть Пиппа Пасуорти...[\[3\]](#) Пасуорти. Вы слишком

много курите, Кэбэл. Вы... у вас плохо варит желудок... (Ходит по комнате и напевает.) Но-эль. Но-эль!... [\[4\]](#)

Гостиная в доме Кэбэла. Елка с зажженными свечами, с нее снимают и раздают подарки. Детский праздник в разгаре. Дети заняты, каждый на свой манер. Хорри Пасуорти надевает воинские доспехи. Тимоти прокладывает игрушечную железную дорогу. Он целиком поглощен своим делом, ничего не видит и не слышит, работает с увлечением врожденного строителя. В кадр входят девочка поменьше и совсем маленький мальчик. Они смотрят с

восхищением, выпучив глаза. Их привлекает работа и работник. В другом углу комнаты Хорри, уже в полной форме, бьет в барабан.

Хорри. Становись!

Становись! — Три мальчика выстраиваются за ним. — Шагом марш! — Они уходят под бой барабана.

Тимоти кончил прокладку дороги. Он бросает на нее последний критический взгляд перед тем, как пустить паровоз. Появляется Хорри со своей свитой. На экране видны только ноги детей. Железная дорога стелется по полу. Нога Хорри отшвыривает часть рельсов.

Тимоти (нервно). Не надо!

Марширующие ноги проходят мимо. У Тимоти одна мысль: как бы спасти свои игрушки. Ему удастся это. Он опять прокладывает свою железную дорогу. Маленькому мальчику:

— Ты будешь подавать сигналы! — Осчастливленный мальчик садится на пол. Маленькой девочке: — Ты... ты смотри. — Девочка тоже садится и разыгрывает свою роль; она восхищается. Тимоти пускает поезд. Поезд движется. Тимоти с серьезным видом наблюдает. Ребята в восторге. Бьет барабан. Хорри и его приверженцы возвращаются и стоят на месте. Хорри задумывается.

Хорри. Устрой крушение!

Тимоти на секунду поднимает глаза.

— Нет! — Продолжает хлопотать над железной дорогой.

Хорри. Устрой землетрясение!

Тимоти. Нет.

Хорри. Давай устроим войну.

Тимоти. Нет.

Хорри нехотя отходит в сторону.

Игрушечная железная дорога.

Поезд идет. Один из его вагонов терпит крушение. Он

опрокидывается. В него запустили деревянной пулькой. Мы видим четыре пушки, из которых стреляют Хорри и его друзья. Они в восторге. Тимоти понимает, что его дорожку

сейчас разнесут в щепы. Он пытается загородить ее руками. Отчаянно протестует: — Не надо, перестаньте! — В его руку попадает снаряд. Маленькая девочка протестует вместе с Тимоти.

Хорри направляет орудия. Все больше снарядов попадают в Тимоти. Тимоти вскакивает на ноги и идет в атаку на Хорри. Хорри быстро встает, Тимоти бьет его. Хорри вырывается из рук Тимоти, ногой опрокидывает паровоз и разбрасывает рельсы. Тимоти вцепляется в него, начинается схватка, оканчивающаяся на полу.

В комнате шум. В среднюю дверь входит миссис Кэбэл,

бросается к дерущимся. Из кабинета Кэбэла входит Пасуорти в сопровождении Кэбэла и Хардинга. Хорри и Тимоти дерутся. Миссис Кэбэл пытается разнять мальчуганов.

М-сс Кэбэл. Тимоти, Тимоти, в чем дело?

Пасуорти хватает Хорри.

— Ну-с, молодой человек, что вы тут наделали?

Хорри. Я, папа, только немножко повоевал с ним, а он играет нечестно.

Пасуорти. Военные существуют для того, чтобы защищать нас, а не для того, чтобы разрушать!

Хорри. Но, папа, на то и война, чтобы разрушать.

Пасуорти. Ты пойдй стань в караул — солдаты существуют для того, чтобы предотвращать войну, а не для того, чтобы вызывать ее!

Хорри нехотя подчиняется. Дети возвращаются к своим занятиям. Тимоти возится с железной дорогой. Хорри довольно хмуро стоит на часах.

Кэбэл, Пасуорти, Хардинг, м-сс Кэбэл и дедушка сидят на возвышении в конце комнаты.

Пасуорти. Они уже забыли свои горести. Чудной народ малыши! Вспыхнут вмиг — и уже все прошло!

Дедушка. Хорошие у них нынче игрушки, хорошие игрушки! Наши были гораздо проще. Ноевы ковчеги и

деревянные солдатики. Не такие сложные, как нынче Боюсь, не покажутся ли им когда-нибудь эти игрушки чересчур серьезными.

Пасуорти. Вот это мысль!

Дедушка. Да. Именно мысль.

М-сс Кэбэл. Они учат их работать руками.

Дедушка. Что ж, я думаю, у их внуков будут еще более удивительные вещицы. Прогресс... И прогресс хотелось бы мне повидать... те чудеса, которые они увидят.

Кэбэл. Не будьте так уверены насчет прогресса.

Пасуорти. Ах вы, неисправимый пессимист.

Дедушка. Ну, что может

остановить прогресс в наши дни?

Кэбэл. Война!

Пасуорти. Ну, во-первых, войны не будет, а во-вторых, война не останавливает прогресса. Она стимулирует прогресс.

Кэбэл (иронически). Да, война — замечательный стимулятор! Но стимулирующими снадобьями нельзя злоупотреблять. Вторая доза может оказаться роковой! Чрезмерной.

Пасуорти (нерешительно). Но... в конце концов не преувеличиваем ли мы ужасы войны? Не переборщили ли мы с этой песенкой? Последняя война была не так уж плоха, как говорят. Никаких забот. Словно всех захватило что-то великое.

Кэбэл. В следующий раз вас может захватить что-нибудь еще более великое! Вы мелете чушь, Пасуорти. Если мы не прикончим войны, война прикончит нас. Все это говорят, миллионы людей понимают это, и никто ничего не делает. Я ничего не делаю...

Пасуорти. Ну, а что вы можете сделать?

Кэбэл. Да, что мы можем сделать?

Пасуорти. Держаться своего. Держаться и уповать на здравый смысл человечества.

Елка с догоревшими наполовину свечками.

Горничная тушит свечки на елке.

Прошло несколько часов.

4. Над Эвритауном разразилась война

Пригородная дорога за домом Джона Кэбэла. Разные часы одни за другими бьют полночь. Дом Кэбэла. Отворяется дверь. Выходят Кэбэл, м-сс Кэбэл, Хардинг и Пасуорти. Слышится рождественский благовест.

Пасуорти. На земле мир, в человецех благоволение. В этом году будет настоящее, старинное рождество. Свежо, снег, уши пощипывает.

Слышится слабый гул. Все на миг умолкают.

М-сс Кэбэл. Что это такое?
Похоже на орудийный выстрел.

Пасуорти. Орудий в этих местах нет. С веселым рождеством, Кэбэл, желаю всем нам счастья на предстоящий год! Тот, что кончается, был не так уж плох. Встретим же радостно еще один год восстановления!

Общим планом дорога. Внезапно небо озаряют лучи прожекторов, и силуэтом вырисовывается горный кряж. Группа, стоящая у дверей, наблюдает игру прожекторов и обменивается вопросительными взглядами.

М-сс Кэбэл. Но почему прожекторы?

Пасуорти. Вероятно, маневры противовоздушной обороны.

Кэбэл. Маневры? На рождество! Нет!

Три взрыва, на этот раз более громких, смешиваются со звоном колоколов.

Хардинг. Слушайте. Опять пушки!

Колокольный звон внезапно умолкает. Гром отдаленных пушек теперь слышен явственно.

Группа — в напряженном безмолвии. Слышится громкий взрыв.

После этого шум утихает, словно источник его удаляется от Эвритауна. Никто не говорит ни слова. Из

кабинета доносится телефонный звонок. Кэбэл оборачивается и спешит в дом, остальные делают вслед ему несколько шагов и с тревогой прислушиваются.

Голос Кэбэла. Что, нынче ночью, в три часа у Хилтаунского ангара? Хорошо, буду.

Кэбэл возвращается к группе:
— Мобилизация!

М-сс Кэбэл. О-о боже!

Пасуорти. Может быть, это только пробная мобилизация.

Кэбэл поворачивается и уходит в дом. Остальные следуют за ним.

Кабинет Кэбэла. Они хотят послушать радио — не передают ли чего-нибудь. Кэбэл включает

радиоприемник.

Радиоприемник. «Неизвестные воздушные корабли пролетели над Сибичем и сбросили бомбы в нескольких сотнях ярдов от водопроводной станции. Потом они повернули к морю. К этому времени они были уловлены прожекторами броненосца „Динозавр“, и прежде чем они вышли из его сферы обстрела, он открыл по ним огонь из зенитных орудий. К сожалению, безрезультатно».

Пасуорти. Это... это, безусловно, тревожный факт.

Хардинг. Ну да, ведь все говорили: «На этот раз объявления войны не будет».

М-сс Кэбэл. Слушайте!

Радио (продолжает,

потрескивая). «Мы еще не знаем национальной принадлежности этих воздушных кораблей, хотя насчет их происхождения едва ли можно сомневаться. Но прежде всего стране необходимо соблюдать спокойствие. Без сомнения, потери, понесенные флотом, серьезны».

Пасуорти (перебивая

радиоприемник). Это что? Потери во флоте?

М-сс Кэбэл (с нетерпением).

Слушайте! Слушайте!

Радиоприемник. «И

настоятельно необходимо, чтобы все как один немедленно стали под

ружье. Издан приказ о всеобщей мобилизации, и гражданская оборона должна немедленно привести в готовность средства химической защиты. (Ага, получены инструкции!) Мы сделаем перерыв на пять минут и затем прочтем вам общие инструкции. Сзовите знакомых. Позовите всех, кого можете».

Радио умолкает.

Кэбэл (с горечью). Вот ваше стимулирующее средство, Пасуорти! Вот вас и захватило нечто великое! Наступила война.

Они смотрят друг на друга.

Пасуорти, обращаясь к Хардингу:

— Ну, приказы о выступлении, вероятно, ждут нас дома. Теперь ничего не остается, как действовать.

М-сс Кэбэл. Война! Помоги нам всем, боже!

Пасуорти и Хардинг на пути домой. Пасуорти необычайно разговорчив. Хардинг мрачно безмолвствует.

Пасуорти. Бог мой! Раз они напали без объявления войны, так надо мстить. Никакой пощады, одно мщение! Наказать, наказать по заслугам — или цивилизации навсегда конец! Возможно, что тут какая-то ошибка. Я допускаю это. Но если нет — тогда станем грудью. Это не война. Это борьба против

опасного гада. Охота на гада без отдыха и милосердия. (Вдруг остывает.) Спокойной ночи!

Хардинг так и не произнес ни слова. Он прощается кивком, стоит с минуту, глядя вслед Пасуорти, потом встряхивается и спешит домой.

Центральная площадь Эвритауна. На грузовике въезжает огромное зенитное орудие. На крыше устанавливают прожекторы.

Электрические рекламы гаснут.

Вспомогательная полиция со значками направляет людей в убежища.

Запоздалый пешеход бежит через площадь.

Вспыхивают прожекторы.

Заряжают зенитное орудие при свете тщательно затененного фонаря. Крупным планом лица оружейной прислуги.

Все это делается очень быстро и украдкой. Огни гаснут, видна лишь игра силуэтов, и звуки ослабевают, пока не воцаряется абсолютная тишина.

Кэбэл и его жена в детской. Кэбэл застегивает на себе костюм летчика. Он смотрит на спящих детей. Отворачивается, терзаемый мыслью о их будущем.

М-с с Кэбэл. Милый, милый мой, ты жалеешь о том, что мы... родили этих детей?

Кэбэл (долю думает). Нет,

жизнь должна продолжаться. Зачем нам уступать жизнь скотам и олухам?

М-сс Кэбэл. Я полюбила тебя. Я хотела служить тебе и сделать твою жизнь счастливой. Но подумай о том, что может случиться с ними. Не были ли мы эгоистами?

Кэбэл привлекает ее к себе:

— Ты не боялась родить их — вчера мы сами были детьми. Мы встревожены, но мы не боимся! Право, так!

М-сс Кэбэл утвердительно кивает головой, но говорить она не в силах, она вот-вот расплачется.

Кроватка Тимоти, Кэбэл с женою стоят возле нее.

Кэбэл. Мужайся, дорогая!

Шепчет про себя: «И да будет мужественным это крохотное сердечко».

Ряд быстро мелькающих кадров напоминает мелькание их во второй части. Эвритаун в запоздалом свете зимнего утра.

Пригородная дорога. Люди выходят из домов с узелками или чемоданами и идут на станцию.

Молодая женщина прощается с мужем, который ждет трамвая.

Остановка автобуса. Люди лезут в автобус со своими вещами. Какое-то напускное веселье. Поднимаются брови, на лицах насильственные улыбки, хотя углы губ опущены.

Никакой военной музыки.

Ничего похожего на подъем 1914 года. Шарканье и тяжелые шаги обреченных домовладельцев.

Пасуорти и Хорри в палисаднике перед своим домом. Хорри в своей вчерашней форме. Пасуорти выходит. Он прикрепляет нарукавник.

Хорри (указывая на нарукавник). Ты офицер, папочка?

Пасуорти. Приходится вносить свою лепту, сынок. Мы все служим общему делу.

Хорри. Я тоже офицер, папочка!

Пасуорти. Вот молодец, правильно! Ничего Другого и не остается. Не унывать, сэр, не унывать.

С шутливо-бравым видом

отдают друг другу честь. Отец поднимает сына и целует его. Уходит.

Хорри остался один. Он бьет в свой барабан. Сперва осторожно, а затем более уверенно. Он бьет в барабан, начинает мурлыкать песенку и маршировать. Взвинчивает себя. Поет все громче, без слов. Бой барабана переходит в военную музыку, которая продолжается в течение следующих кадров.

Позади маленького Хорри показываются чуть видные тени марширующих войск, шагающих в такт с ним и с его барабаном. Его образ бледнеет, войска выступают ярче.

Картина: армии в походе.

5. Вторая мировая война

Колонны войск становятся призрачными и исчезают. Мирный сельский пейзаж, зима. Та же сельская местность была показана в первой части, но теперь повсюду видны признаки военных приготовлений. На переднем плане гладкая поверхность реки или озера, отражающая сцену; зеркало вдруг ломается — из воды выползает колоссальный танк-амфибия. На мирном поле внезапно вздыбливается гигантская гаубица.

Сцена, снятая с воздуха. Дороги

забиты военными материалами, отправляемыми на фронт. Детали той же сцены крупным планом. Вереницы танков и гусеничных грузовиков. Вереницы людей в стальных шлемах. Грузовики, набитые людьми. Грузовики, набитые снарядами. Огромные склады снарядов. Фантастическая картина военных материалов в движении.

Химический завод. Грузят сотни ящиков.

Производство газовых бомб. Все рабочие в противогазах, вместо лиц — морды каких-то чудовищ.

Орудия стреляют. Снова проходит часть предыдущих кадров,

но теперь люди и пушки не движутся к месту действия, они действуют. Стреляют орудия, танки наступают, стреляя, броненосцы дают залпы, газ с шипением вырывается из цилиндров.

Артиллеристы у орудия, передают снаряды.

Под аэропланом возится экипаж его, подвешивая бомбы.

Аэропланы, эскадрилья за эскадрильей, поднимаются в небо. Виден Эвритаун, и в небе над ним неприятельские аэропланы. Взрыв на переднем плане заполняет сцену. Когда дым рассеивается, видна пригородная улица Эвритауна, на которой живет Пасуорти, и вдали на

дорожке какой-то маленький темный предмет.

Мы идем по дороге и перед разрушенным забором палисадника видим маленького Хорри в его доспехах, замертво распростертого на земле.

Долгая безмолвная пауза.

Взрывы бомб замирают вдали.

(Это первый труп, который мы видим на экране.)

Сцены бомбардировки Эвритауна. Сирены, свистки и гудки. На площади паника. Мелькают военные, занятые у зенитных орудий. Опять полная народу площадь, пораженные ужасом лица обращены вверх. Паника усиливается.

Аэропланы над головой. Зенитные пушки палят довольно беспомощно.

Трамвай идет по улице, начинает крениться и падает на бок. Фасад гигантского универсального магазина обрушивается на улицу. Товары разбросаны и горят. На тротуаре лежат манекены из витрин и раненые.

На запруженной народом Площади взрывается бомба. Кинематограф рушится, превращаясь в груды развалин.

Бомба взрывает газовую магистраль, струя пламени, пожар распространяется.

Должностные лица раздают противогазы, толпа в панике. Драка

за противогазы. Раздатчика сбили с ног. Вдалеке, общим планом, самолеты, они выпускают газ как дымовую завесу. Облако медленно спускается на город. Газовое облако все ниже, зенитные пушки продолжают стрелять в темноте. Общим планом — газовое облако спускается и затемняет Площадь. Люди в конторах и квартирах захвачены, как в ловушках, газом, проникающим через окна.

Общим планом Площадь, теперь очень туманная и темная. Пусто, движения нет, но на Площади кое-где лежат трупы.

6. Два летчика

Неприятельский летчик, мальчик лет 19-ти, находится в воздухе, выпускает на землю газ. Он же крупным планом в своей кабине. Запас газа кончается, и он делает вираж, чтобы повернуть назад. Он смотрит на небо и видит, что его атакуют. Он явно робеет.

Джон Кэбэл в своем самолете. Он направляется к самолету неприятеля.

Воздушный бой. Это неравный бой между бомбардировщиком и быстроходным истребителем. Неприятельский самолет сбит. Кэбэл

попадает в пике, но затем выравнивает машину.

Неприятельский летчик падает. Дома и прочее на заднем плане в облаке газа, выпущенного им. (NB. Это не часть Эвритауна, и знакомая линия горизонта и прочее в этой сцене не фигурирует.) Кэбэл с трудом приземляется. Он смотрит на неприятельский самолет и затем спешит к нему. Когда Кэбэл подходит к упавшей машине, она загорается.

Кэбэл добежал до неприятельского самолета. Неприятельский летчик выкарабкался из пламени. Он бьет себя по тлеющей одежде, гася огонь. Зашатался и падает. Остальная часть

сцены разыгрывается при мерцающем свете горящей машины. По кадру пробегают клочья черного дыма.

Кэбэл оказывает помощь неприятельскому летчику, который, очевидно, сильно изранен. Он как будто еще слишком ошеломлен, чтобы чувствовать боль, но он знает, что погиб. Кэбэл усаживает его поудобней на земле.

Кэбэл. Так вам лучше? Боже мой... но вы разбились, мой мальчик!

Кэбэл старается облегчить его положение. Он оставляет свои попытки и смотрит на неприятельского летчика с

бесконечным изумлением:

«Зачем нам убивать друг друга? Как мы дошли до этого?»

Газовая волна приближается к ним. Неприятельский летчик указывает на нее. «Уходите, друг мой! Это мой газ, и очень скверный! Благодарю вас!»

Кэбэл. Но как мы дошли до этого? Зачем мы позволили им посылать нас убивать друг друга?

Неприятельский летчик не говорит ни слова, но по лицу его видно, что он согласен с Кэбэлом.

Кэбэл и летчик достают противогазы. Кэбэл помогает неприятельскому летчику надеть и приладить маску. Это трудно — у

летчика сломана рука. Кэбэл делает передышку и начинает сызнова.

Неприятельский летчик. Вот забавно будет, если я задохнусь от собственной отравы!

Кэбэл. Теперь все в порядке!

Кэбэл надевает ему противогаз и затем надевает свой. Они слышат крик и осматриваются.

Кэбэл смотрит, и они видят маленькую девочку, убегающую от волны газа. Она уже задыхается и прижимает к губам носовой платок. В большом смятении девочка бежит в их сторону, потом остановилась, не зная, куда же дальше. Она не замечает летчиков.

Неприятельский **летчик**

всматривается, затем срыгает с себя противогаз и протягивает его Кэбэлу:

— Вот — наденьте на нее!

Кэбэл колеблется, переводит взор с одного на другую.

Неприятельский летчик. Я угощал им других, почему мне не попробовать самому?

Кэбэл надевает противогаз на девочку, которая в испуге сопротивляется, но потом, поняв, утихает.

Кэбэл. Пойдем, детка, тут тебе не место! Ты иди в ту сторону. Я покажу тебе дорогу!

Кэбэл уходит с девочкой, потом возвращается, чтобы узнать, есть ли у неприятельского летчика револьвер.

Видит, что он без револьвера, и, поколебавшись, отдает ему свой:

— Он вам может понадобиться...

Неприятельский летчик.
Добрая душа! Но я приму свою дозу.

Неприятельский летчик медленно умирает в трепетном свете горящего самолета. Газ теперь совсем близко. Языки подползают к человеку. Он смотрит вслед Кэбэлу и девочке. «Я сбросил газ на нее. Может быть, я умертвил ее отца и мать. Может быть, я умертвил всю ее семью. А потом отдаю свой противогаз, чтобы спасти ее. Вот забавно! О! Это в самом деле забавно. Ха-ха-ха! Это... вот это

шутка!»

Газ наплывает на него, и он начинает кашлять. Он вспоминает слова Кэбэла: «Какими олухами были мы, летчики! Они заставили нас драться, и мы послушались, как жалкие псы». «Я разбился, стараясь убить ее, а потом отдаю ей свой противогаз! О боже! Вот потеха! Ха-ха-ха!»

Смех переходит в отчаянный кашель, газ обволакивает летчика и скрывает от зрителей. Кашель слышится все слабей и слабей, пары затягивают сцену. «Я вдохну все, все! Я заслужил это».

Опять слышно, как он кашляет и задыхается. Потом резкий вскрик и

внезапный стон невыносимой муки.

Слышен револьверный выстрел.
Безмолвие. Кадр заполняют
стелющиеся пары.

7. Нескончаемая война

Ряд сменяющихся газетных заголовков дает понятие о продолжительности войны.

В первой газете заголовки такого же типа, как в той, которую читал Кэбэл у себя в кабинете перед детским праздником. Открывается сцена крупным заголовком:

ИВНИНГ НЬЮС

Предсказания погоды и часы зажигания фар отсутствуют. Дата — 20 мая 1941 года. Цена три пенса.

Вместо «Последних котировок Сити» — «Запрещение спекуляции»; но газета все еще называет себя «последним вечерним выпуском».

Шапка на два столбца: «Конец близок».

Шапка на два столбца: «Скандал с пайками».

Заголовок под первой шапкой: «Результаты воздушного наступления Блэйка».

Текст: «Огромные усилия и жертвы воздушных сил во время большого контрнаступления в истекшем месяце приносят плоды».

Опять крупным планом дата, и дата крупным планом дается для каждой из сменяющихся газет.

Весьма грубо отпечатанная газета с помарками и выцветшими местами заслоняет и сменяет предыдущую. Газета свидетельствует о значительном ухудшении обслуживания публики.

Она напечатана сбитым шрифтом, и нижние строчки ее смазаны.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ПАТРИОТ

№ 1. Новая серия, 2
февраля 1952 года. Цена
один фунт стерлингов.

ДЕЛО ИДЕТ К
КОНЦУ

Необходимо вести войну более быстрым темпом, с величайшей решимостью. Только в этом случае мы можем надеяться...

Наплывает третья газета:

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ
ПАТРИОТ

№ 754, Март 1955 года.
Цена, один фунт
стерлингов.

Величайшая
решимость. Не сдаваться.

Большой пустырь, заросший вереском. Вдали что-то горит. Ветер треплет лист старой газеты. Она зацепилась за колючку, и, в то время

как ветер рвет ее, зритель успевает прочесть скверно напечатанные на грубой бумаге слова:

БЮЛЛЕТЕНЬ
БРИТАНЦА

21 сентября 1966 года.

Цена четыре фунта
стерлингов.

Держитесь. Победа
близка. Силы врага
истощаются...

Ветер разрывает газетный лист в клочья.

Следует тихая и унылая сцена, символически показывающая, что наша современная цивилизация

потрясена до основания. Выбор местности лучше всего предоставить воображению, изобретательности и ресурсам декоратора. Она может даже различаться для американского, континентального или английского варианта фильма. Какая-нибудь одна из нижеследующих сцен даст все нужные эффекты.

Тауэрский мост в Лондоне разрушен. Никаких признаков человеческой жизни. Чайки и вороны. Темза, загроможденная обломками, вышла из своих искалеченных берегов.

Лежащая на земле Эйфелева башня. Такое же запустение и развалины.

Разрушенный Бруклинский мост. В воде клубки спутанных кабелей. В порту затонувшие суда. На заднем плане Нью-Йорк в развалинах.

Затонувший океанский пароход на дне моря.

Фешенебельный пляж — Лидо или Палм Бич, Блэкпул или Кони Айленд, — разрушенный до основания. Среди мерзости запустения бродят несколько одичавших собак.

Оксфордский университет в развалинах, книги Бодлеевской библиотеки разбросаны среди обломков.

8. Бродячая болезнь

Центральная площадь в Эвритауне. Она в развалинах. На одном из углов площади оборванные уличные торговцы и примитивный рынок. Посреди площади колоссальная воронка от снаряда. Группа людей стоит у прибитой к стене доски. Это доска объявлений, вроде древнего Альбума, на котором вывешивались новости на римском Форуме. По мере того как мир откатывается назад, воскресают старинные методы.

Крупным планом группа, читающая грязное, написанное на

шапирографе объявление на доске.

Текст его:

НАЦИОНАЛЬНЫЙ
БЮЛЛЕТЕНЬ Август 1968
года

ВНИМАНИЕ! ЕЩЕ
ОДНО ПРЕСТУПЛЕНИЕ!
НЕПРИЯТЕЛЬ СЕЕТ
БОЛЕЗНЬ С САМОЛЕТОВ

Наши враги, побитые на суше,
на море и в воздухе, сохранили тем
не менее несколько самолетов,
которые трудно обнаружить и
уничтожить. Они используют их для
того, чтобы распространять болезнь,
новую горячку телесную и

духовную...

Еще раз — крупным планом — дата.

Человек в рваной и заплатанной форме выходит из ратуши с бумагой в руке и направляется к стене. Это привлекает нескольких зевак. Он приклеивает новое объявление.

Объявление это, написанное несколько вкривь, гласит:

«Неприятель сеет
Бродячую болезнь с
самолетов. Избегайте мест,
где упали бомбы. Не пейте
стоячей воды».

Из дома выходит женщина. Она

оборвана, у нее изнуренный вид, в руке она держит ведро. Она идет к исполинской воронке в центре площади. Женщина спускается с ведром, она хочет набрать воды. В кадр входит мужчина.

Мужчина. Разве вы не читали предостережения?

Женщина отвечает усталым и безмолвным «нет».

Мужчина (указывая на воду).
Бродячая болезнь.

Женщина поражена мгновенным страхом. Потом начинает колебаться. До родника полчаса ходьбы!

Мужчина пожимает плечами и уходит. Женщина все еще колеблется.

Больница под лабораторией.

Темно и мрачно. Больные без ухода. Один из них — мужчина в грязной рубахе и брюках, босой и исхудалый — встает, дико озирается и выбегает вон.

Площадь перед больницей. Больной бродит. Он тупо смотрит вперед. Он ищет, сам не зная чего. Люди на площади, увидели его и разбегаются. Женщина в воронке видит приближающегося к ней бродячего больного. Она вскрикивает и выкарабкивается вон. Группа мужчин и женщин убегает от больного.

Часовой с винтовкой. Группа мужчин и женщин входит в кадр.

Мужчина (к часовому). Разве вы

не видите?

Женщина. Он несет заразу!

Часовому не по душе его дело, но он поднимает винтовку. Он стреляет. Бродячий больной падает, корчится и затихает.

Часовой (кричит). Не подходите к нему! Оставьте его здесь!

Лаборатория д-ра Хардинга. Хардинг у своего рабочего стола, ему помогает его дочь Мэри. Он отчаянно бьется над проблемой иммунитета против Бродячей болезни, истребляющей человечество. Теперь это человек лет пятидесяти; он переутомлен, исхудал, постарел. Он работает в полуразрушенной лаборатории, ему

не хватает материалов. Эта лаборатория была уже показана в начале фильма. (Нижние комнаты превращены в импровизированную больницу, куда привозят больных в ранней стадии заболевания.) Хардинг в рваном и заплатадном платье (белого комбинезона нет и в помине). Аппаратура его напоминает аппаратуру древнего алхимика, она сработана кое-как, и ее очень мало, электричества нет. Вода не идет, хотя сохранились бесполезные теперь кран и раковина. Но микроскопы те же, что и раньше. Их очень трудно разбить. Колбы, тигли и тому подобные прочные вещи уцелели, но не уцелело тонкое стекло, мелкие

склянки. Нет, например, колб Флоренса. В ход пущены старые банки. Многие из оконных стекол разбиты и заклеены бумагой.

Хардинг работает и бормочет что-то.

Мэри — девушка лет 18, в заплатанном костюме сестры милосердия, с повязкой Красного креста.

— Отец, — говорит она, — почему бы тебе не поспать?

Хардинг. Как мне спать, когда моя работа может спасти бесчисленные жизни? Несчетные жизни.

Снаружи слышен выстрел. Хардинг идет к окну, за ним Мэри.

Аппарат снимает от Хардинга; в кадре больной Бродячей болезнью, убитый часовым, в луже крови. Площадь пустынна. Кадр пересекает мужчина, он тщательно обходит мертвеца и зажимает себе рот тряпкой, чтобы не заразиться.

Хардинг и Мэри.

Хардинг (говорит). Итак, наша санитария вернулась к кордонам и к убийству! Так боролись с чумой в средние века...

Он делает жест бессильного отчаяния, пожимает плечами, скидывает руки и возвращается к рабочему столу.

Комната Ричарда Гордона, бывшего бортмеханика. Она похожа

на все комнаты этого периода — грязная, с импровизированной или очень старой мебелью. Настоящей столовой посуды нет, есть только набор жестянок и глиняных банок, достойный бродяги. Сестра Ричарда, Джэнет, варит обед, печка топится дровами. Ричард Гордон сидит перед старым столом и, очевидно, ждет обеда. Он в глубоком раздумье.

Вместо того, чтобы подать обед, Джэнет отходит от печки, делает несколько шагов и смотрит куда-то в пространство.

Ричард (оторвавшись от своих мыслей, глядит на нее с возрастающим ужасом и быстро встает с места). Что с тобой,

Джэнет? Опять сердце? (Он щупает ее пульс. В глубоком волнении.) Я уложу тебя в постель, сестра!

Джэнет угрюмо молчит. Она качает головой. Ричард очень нежно пытается уговорить ее лечь.

Опять в лаборатории Хардинга. Хардинг у микроскопа. Мэри возле него.

Хардинг (рассматривает какой-то препарат и, не оглядываясь, говорит). Йоду, пожалуйста!

Мэри делает шаг к нему. В руках у нее какой-то сосуд. Она смотрит на него и наклоняет, чтобы проверить себя. Она не в силах заговорить, потому что понимает значение своего ответа.

Хардинг. Мэри! Сделай милость, йоду!

Мэри. Йоду больше нет, папа. Осталась одна капля.

Хардинг (оборачивается, словно его ударили кинжалом). Больше нет йоду?

Мэри в ответ качает головой.

Хардинг (в полуобморочном состоянии садится). Боже мой! (Он закрывает лицо руками. Говорит чуть не с рыданием в голосе). Что пользы пытаться спасти обезумевший мир от заслуженной кары?

Мэри. Ах, папа, если бы ты хоть немного поспал!

Хардинг. Разве мне можно спать? Смотри, как они выходят из

домов, чтобы умереть!

Он встает и в глубоком волнении смотрит на дочь: «И как подумаешь, что я родил тебя на свет!»

Мэри. Даже теперь я рада, что живу, отец!

Хардинг ласково треплет ее по плечу. Потом начинает шагать по комнате, жестоко терзаясь.

«Это тяжелее всего в этой бесконечной войне. Знать, чего жизнь могла бы достичь и чем она могла бы быть, — и оставаться беспомощным!»

Он вынимает предметное стекло из-под объектива микроскопа и в бессильной ярости швыряет его на

пол.

Садится в полном отчаянии.

Мэри безуспешно пытается утешить его. На лестнице раздаются шаги. Оба смотрят на дверь.

Мэри. Ричард!

Входит Гордон. Хардинг смотрит на него, со страхом ожидая, что он скажет.

Гордон. Моя сестра...

Хардинг. Откуда вы знаете?

Гордон. У нее страшно бьется сердце. Она слабеет. И... и... она не хочет отвечать.

Хардинг молчит.

Гордон. Как мне ей помочь?

Хардинг, убитый, измученный, молчит.

Гордон. Я думал, что-нибудь известно...

Хардинг не двигается.

Мэри (вскрикивает). О, Джэнет!
И вы, бедный...

Она приближается к Гордону; Гордон делает движение, как бы желая предупредить ее, что и он, может быть, заражен. Она не обращает на это внимания. «Ричард!» — шепчет она у самого его лица.

Хардинг встает и уходит, не произнося ни слова. Следуя инстинкту врача, он хочет помочь, даже если положение кажется безнадежным.

Комната Гордона. Джэнет

ворочается на кровати. Хардинг, за ним Ричард и Мэри. Хардинг подходит к Джэнет и присаживается на кровать. Он откидывает простыни, прислушивается к ее дыханию. Потом покрывает ее снова и качает головой. Встает с кровати. Гордон задает ему немой вопрос.

Хардинг. Сомнения нет. А ведь этого можно было избежать. Подумать только! Остался всего один невыясненный вопрос. Но я не могу раздобыть даже йоду — даже йоду! Торговли больше нет, достать ничего нельзя. Война продолжается. Эта чума продолжается — и с нею не борются, она хуже войн, которые породили ее!

Гордон. Неужели ничем нельзя облегчить ее положение?

Хардинг. Ничем. Не осталось ничего, чем можно было бы облегчить чье бы то ни было положение. Война — это искусство сеять нищету и бедствия. Помнится, еще студентом-медиком я беседовал с неким Кэбэлом о предотвращении войн. Об исследованиях, которые я произведу, и о зле, которое я буду исцелять. Бог мой!

Хардинг поворачивается к дверям и уходит.

Снова разрушенная и пустынная Площадь. Хардинг пересекает ее, с отчаянием возвращаясь в свою лабораторию.

Комната Гордона. Мэри и Гордон сидят. Атмосфера безнадежности. Оба не сводят глаз с кровати. Джэнет встает. Лицо ее теперь призрачно-бледно, глаза остекленевшие. Она идет по направлению к ним и к аппарату; Мэри и Гордон уставились на нее в ужасе, она проходит мимо них. Лицо ее приближается до размеров крупного плана. Она выходит из комнаты. После секунды колебания Гордон поднимается и спешит вслед за сестрой. Мэри делает несколько шагов, потом садится.

Площадь. Джэнет бродит по ней. Гордон нагоняет ее и пытается взять за руку, но она отталкивает его. Они

направляются к толпе, обступившей доску с извещениями перед Ратушей. Толпа разбегается в паническом страхе.

Джэнет и Гордон идут к часовому. Часовой поднимает винтовку.

Гордон заслоняет Джэнет своим телом. Часовому:

— Нет! Не стреляйте, я уведу ее из города!

Часовой колеблется. Джэнет уходит из кадра. Гордон колеблется между нею и часовым и затем следует за нею. Часовой поворачивается им вслед, все еще не решаясь.

Джэнет и Гордон бредут по

развалинам Эвритауна. Она впереди, мечется бесцельно, лихорадочно. Он следует за нею. Так мы совершаем экскурсию по Эвритауну в период его полного, окончательного упадка. Мертвый город. От них убегают крысы, отощавшие собаки.

Они проходят через покинутый вокзал.

Общественные сады в полном запустении. Разбитые вывески. Остатки фонтанов, поломанные решетки.

Загородная дорога с пустыми и разрушенными дачами. В садах заросли терновника и крапивы. Джэнет и Гордон проходят мимо прежнего дома Пасуорти, который

можно узнать по расщепленному бомбой забору.

Обе фигуры, следуя одна за другой, все удаляются, и следующая сцена проходит за огромными, тоскливыми пустырями на все большем расстоянии.

Джэнет падает и лежит неподвижно. Гордон опускается возле нее на колени.

В первую минуту он не может поверить, что она умерла. Он поднимает ее и уносит на руках. Видно, как где-то очень далеко он несет ее в мертвецкую.

Выходят фигуры в капюшонах и берут ношу из его рук — все это в большом отдалении.

Мэри ждет в комнате Гордона. Теперь сумерки, и ее лицо очень бледно, неподвижно и грустно. Она смотрит на дверь, в которую, наконец, входит, шатаясь, Гордон. — О, Мари, милая Мэри! — кричит он.

Мэри протягивает к нему руки. Он прильнул к ней, как ребенок.

На экране три даты: 1968, 1969, 1970.

9. Эвритаун под властью босса-патриота

Площадь Эвритауна в 1970 году. Она несколько оправилась после крайней, трагической разрухи периода Бродячей болезни. Заметны неуклюжие попытки отремонтировать разрушенные здания. Магазины не открыты, и половина домов не заселена, но воронка от снаряда в центре площади засыпана. Существует нечто вроде рынка: оборванные, в заплатах, люди торгуются из-за овощей и кусочков

мяса. Мало на ком видны ботинки. На большинстве обувь из лыка или тряпок или деревянные башмаки. Шляпы носят немногие, новой шляпы нет ни одной. Женщины простоволосы или в платках. Экипажи не грубые и не примитивные, но разбитое старье. Одна или два ящика на велосипедных или автомобильных колесах — их толкают перед собой люди. Лошадей почти совсем не видать. Доят корову или козу. Вот крестьянин с автомобилем (маленьким, без резиновых шин), в автомобиль впряжена лошадь и в нем груда моркови и репы. Несколько палаток с подержанными вещами —

одеждой, мебелью и домашней утварью. Похоже на маленький деревенский базар. Видна палатка с поношенным платьем и разной мелочью, с ювелирными изделиями и поношенным модным товаром. В ней торгует подобострастный субъект — таких встречаешь на восточных базарах. Он потирает руки, следит за другой палаткой и за прохожими. Нигде не видно новых вещей, потому что промышленная жизнь в застое. Аппарат описывает круг, чтобы дать общий вид площади, и останавливается перед Ратушей. Над колоннадой Ратуши висит большой флаг в форме розетки. Розетка — символ властвующего

Босса и его правительства.

Небольшая кучка народу смотрит на украшенного розетками стража, который пишет на стене углем.

Наверху он нарисовал и растушевал грубую розетку.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ БЮЛЛЕТЕНЬ

1 мая 1970 г.

Чума прекратилась.
Благодаря решительным
мерам нашего Босса,
распорядившегося
расстреливать всех
бродячих. Уже два месяца
ни одного заболевания.

Чума побеждена.

Босс готовится с
величайшей энергией
возобновить военные
действия против горцев.
Скоро мы добьемся победы
и мира.

Все хорошо — боже,
спаси Босса. Боже, спаси
нашу родину.

Внутренность ангара для
самолетов. Гордон, постаревший на
три года, в другом, немного менее
потрепанном костюме, работает на
станке над аэропланым мотором. За
ним виден разобранный самолет. С
ним два помощника. Он исследует

провода высокого напряжения.

Гордон. Этот каучук испорчен. Есть у нас изолированный провод?

Первый помощник. У нас совсем нет изолированного провода, сэр.

Гордон. А изоляционная лента?

Второй помощник. Здесь нет ни крохи. Все, что было, мы израсходовали на тот мотор.

Гордон медленно поднимается, сраженный.

— Да и что толку — все равно ведь нет бензина! Не думаю, чтобы в этом проклятом городе осталось хоть три галлона бензина. Зачем же меня приставили к этому делу? Ни одна машина больше не полетит. С

полетами кончено. Всему конец. Цивилизация умерла.

Рынок. Аппарат повернулся к палатке с безделушками и старым платьем. К торговцу подплывает Роксана. Роксана — красивая двадцативосьмилетняя женщина, сознающая свою красоту. Лицо ее довольно искусно накрашено. По контрасту с грязной и унылой публикой на площади она и обе ее спутницы кажутся блестящими, веселыми и благоденствующими. Костюм ее лучше всего описать, как коллекцию украшений. Он подобран из гардеробов и шкафов, какие еще можно найти в покинутых домах. В общем, это вечерний туалет эпохи

приблизительно 1935 года. Палатка Вадского полна таких находок.

Роксана (подходя). Где Вадский? Мне нужно поговорить с Вадским.

Вадский, прятавшийся за стойкой, пока она подходила, собирается с силами и выходит ей навстречу.

Роксана. У вас был кусок материи в цветах, целый отрез — семь ярдов, а вы мне не сказали об этом! Вы его спрятали от меня и отдали этой вашей женщине. И теперь у нее новое платье — новое платье!

Покуда она говорит, Вадский протестует руками и плечами и,

когда она умолкает, произносит: «О леди, я показывал вам этот отрез!»

Роксана. Не втирайте мне очков, Вадский. Это не первый раз. Вы спрятали его от меня!

Вадский. Леди! Вы сказали: «Мне не нужна такая материя».

Роксана. Как! Я уж которую неделю прошу вас именно о такой материи для лета — светлого ситцу в цветах!

Вадский. Помилуйте, леди!

Роксана. Как вы посмели? Можно подумать, что я ничего не значу в Эвритауне!

Роксана (обращается к первой из своих спутниц). Разве вы не помните? Я говорила, что мне нужна

светлая материя в цветах.

Спутница послушно вспоминает.

Роксана снова апеллирует к ней: что толку в любовнике, что толку в могущественном любовнике, если тебя так третируют?

Роксана (обращаясь к Вадскому, который кланяется в полном смятении). Я скажу об этом Боссу. Я вас предупреждала. Все новое раньше всех мне!

Другая часть рыночной площади. Кучка взволнованных людей обступила оборванного мужчину.

Мужчина. Я своими глазами видел!

Толпа хохочет.

Женщина. Вы сперва напиваетесь, а потом видите невесть что.

Мужчина. Сперва я услышал шум, потом поднял голову — и вот он в небесах, над холмами!

Через площадь идет Гордон, направляясь к ним. Он слышал последние слова:

— Что вы видели?

Мужчина. Аэроплан. Он летел вон там, над холмами. Это было как раз на рассвете.

Толпа высмеивает его. Гордон смотрит на него, оценивает его взглядом, пожимает плечами и уходит своей дорогой.

Мэри покупает овощи у

крестьянина с автомобилем, запряженным лошастью. Она в простом, грубом коричневом костюме. Но ей он идет. Показывается Гордон, и они приветствуют друг друга спокойно, как муж и жена. Пока Мэри выбирает зелень, Гордон с профессиональной симпатией разглядывает автомобиль:

— Это «моррис», не правда ли?

Крестьянин. Да, хорошая дочумная машина. Я ее смазываю и осматриваю время от времени.

Гордон. Вы думаете, что она когда-нибудь пойдет быстрее? Несмотря ни на что?

Крестьянин. Не знаю, у меня

нет бензина. Но все же машина хоть куда! Помню, когда я был мальчиком и она была новая, нам ничего не стоило проехать в ней сто миль — целых сто миль! Я проезжал это расстояние меньше чем в три часа. Но все это кончилось — кончилось навсегда! А?

Он вопросительно и с хитрецей смотрит на Гордона.

Гордон и Мэри закончили свои покупки и идут к лаборатории.

Мэри. Ты нынче запоздал. Удалось что-нибудь сделать?

Гордон. Ничего. Машины ни к черту. Бензина нет. Босс просто в насмешку приставил меня к этому делу. Ни одна из них не поднимется в

воздух. Полеты сделались мечтой для Босса и других пьяниц вроде него. Между прочим, тут был один пьянчуга, утверждавший, что он нынче утром видел самолет.

Мэри. Ричард!

Гордон. В чем дело?

Мэри. Ведь меня ты не сочтешь сумасшедшей?

Гордон. Ну?

Мэри. Я слышала аэроплан нынче утром!

Гордон. Когда?

Мэри. На рассвете. Я решила, что это сон. Но если и другие...

Гордон. Вздор! Говорят тебе, полетам пришел конец. Мы никогда больше не поднимемся в воздух.

Никогда!

Слышатся звуки флейт и барабанов. Гордон и Мэри резко оборачиваются, им явно не по себе.

Босс со своей свитой. Это полувойенная банда, одетая весьма пестро, одинаковое — только значок в виде розетки. Они маршируют по Площади. Босс — здоровенный, заносчивого вида детина в шляпе набекрень. На шляпе спереди розетка. Его мундир с португеей принадлежал, вероятно, музыканту военного оркестра. На нем сабля, кортик и два револьвера. Изысканные бриджи и сапоги. На ленте на груди та же эмблема — розетка. Манерами он смахивает на вежливого шофера

лондонского такси. На его подчиненных приблизительно такие же полувоенные наряды.

Он узнает Гордона, бросает взгляд на Мэри, делает ей мысленную оценку, решает порисоваться и останавливается. Гордон без всякого воодушевления отдает ему честь.

Босс. Есть что доложить. Гордон?

Гордон. Ничего утешительного. Босс.

Босс. Мы должны иметь аэропланы — так или иначе!

Гордон. Я сделаю все, что могу, но без бензина летать нельзя.

Босс. Я добуду вам бензину, уж

поверьте мне. А вы занимайтесь моторами. Я знаю, что у-вас нет материалов, но, право, вы можете преодолеть эту трудность. Например, заменой частей. Вы не пробовали? Используйте части одной машины для ремонта другой. Будьте изобретательны! Дайте мне хоть десять машин, способных работать. Дайте хоть пять. Мне не нужны все сразу. Я позабочусь о том, чтобы вас вознаградили как следует. И тогда мы сможем кончить эту нашу войну — навсегда. Это ваша жена. Гордон? Вы ее прячете. Привет, сударыня! Вы должны использовать свое влияние на нашего Главного Механика! Воюющему государству нужна его

работа!

Мэри (ей не нравится все это). Я уверена, что мой муж всячески старается для вас. Босс!

Босс. Старается! Этого недостаточно, сударыня. Воюющее государство требует чудес!

Мэри молчит и затем глуповато замечает:

— Не каждый умеет творить чудеса. Босс, как вы.

Босс (в высшей степени польщенный). Я уверен, что вы могли бы творить чудеса, если бы захотели, сударыня!

Слышится голос Роксаны:
«Рудольф!»

Босс сразу присмирел. Он

поворачивается к Роксане, которая подходит, возмущенно шурша юбками, сопровождаемая своими статс-дамами. Гордон и Мэри тотчас же забыты. Позади в состоянии нервного страха следует Вадский.

Роксана. Они опять принялись за свои старые шутки! Вадский спрятал от меня товары! Это что, с твоего разрешения?

Вадский. Но ей показывали. Она сказала, что ей не годится.

Босс. Если Вадский принял за свои старые шуточки, он ответит за это!

Роксана торжествующе поворачивается к Вадскому.

Босс. Не один только Вадский

припрятывает вещи. Что ты скажешь о нашем Главном Механике, который не дает мне самолетов, чтобы окончить эту несчастную войну с Горным народом?

Роксана, подбоченившись, смотрит на Гордона, а затем неторопливо разглядывает Босса и Мэри. Гордон ей в общем понравился. Она понимает, что Босс рисовался перед Мэри, и ей хочется немножко осадить его.

С напускной сварливой издевкой она обращается к Боссу:

— Разве ты не можешь заставить его? Я думала, что ты можешь заставить всякого сделать все, что угодно!

Гордон. Иных вещей нельзя сделать, сударыня. Без бензина нельзя летать. Без инструментов и материалов нельзя починить машины. Мы слишком далеко ушли назад. Авиация — погибшее искусство в Эвритауне.

Роксана. И вы действительно настолько глупы?

Гордон. Я действительно настолько беспомощен.

Роксана (Боссу). Ну, что ты предпримешь. Босс?

Босс (становится «сильным человеком»). Он приведет в порядок эти машины, а я добуду ему... уголь — вещество, из которого можно сделать горючее!

Чуть слышно доносится с большого расстояния шум авиационного мотора. Лицо Гордона крупным планом.

Гордон. Это — утраченное искусство! Это мечта прошлого.

Лицо его меняется, когда шум аэроплана доходит до его сознания. Он озадачен. Потом он поднимает глаза к небу. Молча указывает пальцем.

Показана вся группа. Все смотрят вверх.

Вадский и покупатели на рынке, толпа на заднем плане — все замечают самолет. Видно, как он кружит по небу. Это первый новый аэроплан, показываемый в фильме.

Небольшой, типа 1970 года. Крылья его отогнуты назад, как у ласточки. Он не должен быть большой и внушительный, как бомбардировщик, который появляется в конце этой части, но он совсем особенный.

Из домов выбегают люди. Все смотрят на небо. Беготня, крики — возбуждение растет.

Гордон (в глубоком волнении. Он обращается к Мэри). Вот он — ты была права, — опять аэроплан! Он выключает мотор — он спускается.

Глаза толпы следят за самолетом. Можно понять, что он кружит, идя на посадку.

Босс (первым спохватывается). Что это значит? Неужели они

получили самолеты раньше нас? А вы мне говорите, что мы не можем больше летать! Пока вы тут... копались, они действовали! Ну, вы там, узнайте, кто это и что это значит! Ты (к одному из своих телохранителей) ступай, и ты тоже (к другому). Там всего один человек! Задержите его!

Босс становится центром деятельности.

Босс. Пошлите за Саймоном Бэртоном. Саймона сюда!

Со стороны Ратуши появляется лукавого вида субъект, правая рука Босса, он спешит к своему хозяину.

Аппарат показывает Гордона и Мэри, они стоят поодаль.

Недоумение и странную надежду породило в них это удивительное нарушение монотонного быта Эвритауна. Потом аппарат поворачивается к Роксане. Она наблюдает за Боссом и развиваемой им деятельностью со скептицизмом женщины, слишком хорошо знающей мужчину. Потом она вспоминает о Мэри, ищет ее взглядом и обнаруживает также Гордона. Она направляется к ним.

Роксана (Гордону). Что вам известно об этом? Вы что-нибудь знаете? Кто этот человек в воздухе?

Гордон (говорит наполовину про себя, наполовину Мэри и Роксане). Это что-то новое. Это новая машина.

Где-то еще умеют строить новые машины. Я даже не представлял себе, что это возможно.

Роксана. Но кто этот человек? Как он смеет являться сюда?

Ее лицо крупным планом в момент, когда она оглядывает Эвритаун и соображает, что в конце концов это еще не весь мир. Глаза ее обращаются на Босса, который все еще не решил, как ему отнестись к этому непредвиденному случаю.

Босс. Отведите его в Ратушу. Поставьте караул возле его машины и приведите его сюда, ко мне!

Аппарат возвращается к Гордону и Мэри.

Гордон. Пойдем, Мэри. Я

должен посмотреть эту машину!

Луг близ города. Люди бегут. Самолет скользит над головами и приземляется вне поля зрения, за небольшим холмом.

Пробегают несколько оборванных мужчин, женщин и детей, они останавливаются на гребне, на фоне неба, и смотрят. Они колеблются и не решаются подойти поближе. Один ребенок, кидается вперед, но мать останавливает его. Они таращат глаза и начинают беспокойно расступаться вправо и влево от центра пригорка, по мере того как приближается нечто невидимое. Появляются два телохранителя, посланные Боссом, и

тоже в нерешительности
останавливаются.

Мы смотрим на самолет через
ложбину таким образом, что летчик
— Джон Кэбэл, отец детей,
показанных в первой части, — с
драматической внезапностью
появляется над гребнем холма и идет
по направлению к нам.

Он теперь седой, лицо его
изрезано морщинами. Он одет в
блестящий черный костюм, голова и
тело прикрыты чем-то круглым,
благодаря чему он кажется выше
семи футов ростом. Это нечто вроде
круглого шлема, закрывающего как
голову, так и туловище. Это
противогаз 1970 года. Забрало

откинуто вниз, так что спереди его голова и плечи напоминают Будду в ореоле. Черная маска позади его головы и плеч вся в бороздах, как раковина. Она вырисовывается на фоне неба, как некое знамение. Он проходит между зрителями, которые следуют за ним; один страж направляется через гребень холма к машине, второй приближается к нему. Они вместе идут к городу. Этот второй страж — идиотического вида небритый субъект, всегда сильно озадаченный жизнью, а в данный момент — и вовсе. За ними следует кучка любопытных.

Кэбэл. Кто управляет этой частью страны?

Страж. Босс. Тот, кого мы называем Боссом.

Кэбэл. Хорошо. Я хочу видеть его.

Страж. Он послал меня арестовать вас.

Кэбэл. Ну... Это не в ваших силах. Но я приду повидаться с ним.

Страж. А все-таки вы арестованы, признаете вы это или нет. Эта страна находится в состоянии войны.

Толпа и в особенности дети придвигаются ближе к Кэбэлу.

Кэбэл. Я хорошо помню это место. Я жил... где-то здесь. (Показывает.) Много лет. Слышали ли вы когда-нибудь о человеке по

фамилии Пасуорти? Хотя кто-нибудь? Нет! О Хардинге?

Двое детей говорят разом:
«Доктор Хардинг?»

Кэбэл. Да. Он еще здесь?

Старуха. Он хороший человек. Он у нас тут единственный врач. О, он добрый человек.

Дети. Смотрите, сэр, вот он.

Приближаются Хардинг, Гордон и Мэри. На заднем плане толпа.

Кэбэл и Хардинг рассматривают друг друга.

Кэбэл. О боже! И это Хардинг?

Хардинг (растерянно). Мне кажется, я что-то вспоминаю... что-то о вас.

Кэбэл. Но ведь вы были

молодой человек!

Хардинг (вскрикивает). Вы Джон Кэбэл! Я бывал у вас! Здесь! Безумно давно! До того, как начались войны! И вы летаете? Вы поседели, но вид у вас все еще молодой!

Кэбэл. Как здесь обстоят дела? Кто у власти?

Хардинг (опасливо поглядывает на толпу). У нас здесь военный диктатор. Обычная история.

Кэбэл (берет Хардинга под руку). Гм... Я прибыл поглядеть на вашего диктатора. Куда нам пойти, чтобы переговорить?

Хардинг жестами показывает, где он живет. **Кэбэл** собирается пойти вместе с ним.

Страж. Стойте! Вы арестованы, не забывайте этого. Вам придется пойти к Боссу.

Кэбэл. Все в свое время. Сперва к этому джентльмену.

Страж. Этого нельзя. Вам придется пойти со мной. Приказ есть приказ. Сперва к Боссу!

Кэбэл поднимает брови и уходит с Хардингом. Страж следует за ним, изображая жестами изумление и протест.

— Ну-ну! — говорит он.

За ними следуют Гордон, Мэри и толпа. Толпа изумлена смелым обращением Кэбэла со стражем.

Лаборатория. Остатки обеда. Обед был скудный. Жестянки, один-

два ножа и сломанная вилка. Скатерти мет, треснувшие чашки. Мэри, Гордон, Кэбэл и Хардинг ведут беседу. Кэбэл снял свой огромный противогаз и бросил его возле себя.

Страж отворяет дверь и заглядывает.

Кэбэл. Вы оставайтесь за дверью. Мне здесь вполне хорошо.

Страж как будто собирается заговорить, но, поймав взгляд Кэбэла, затворяет дверь.

Кэбэл. Итак, вы вернулись сюда после войны?

Хардинг. И стал чем-то вроде средневекового лекаря. Доктором без лекарств и инструментов. Делаю, что

могу, в этом разрушенном мире. Боже милостивый! Помните, как я бахвалился своими планами?

Кэбэл (садится). Как не помнить! У вас были кой-какие хорошие идеи. Но вот что, давайте еще поговорим. Расскажите, как здесь обстоит дело. Остались ли еще механики? Способные технические работники?

Хардинг. Вот как раз такой человек.

Гордон подходит.

Кэбэл (испытующе смотрит на него). Чем вы занимаетесь?

Гордон. Был бортмехаником, сэр. А теперь на все руки мастер. Последний механик в Эвритауне.

Кэбэл. Пилот?

Гордон. Да, сэр. (Отдает честь.)

Не так чтоб уж очень искусный. Жаль, что я не такой хороший механик, как хотелось бы.

Страж снова отворяет дверь и заглядывает.

— Мне приказано... —
начинает он.

Кэбэл. Плюньте на приказы. Закройте дверь!

Страж подчиняется.

Кэбэл. Расскажите мне об этом вашем Боссе. Что за человек забрал в свои руки эту часть света?

Штаб Босса в Ратуше. Он подготовил обстановку для приема чужеземного летчика. Сидит за

огромным письменным столом. Его окружают несколько телохранителей, секретарей и лизоблюдов. Саймон Бэртон сидит за другим столом, сбоку. Роксана наблюдает за приготовлениями, подходит и становится рядом с Боссом по правую его руку. Что-то шепчет ему. Волнуется, как женщина перед боем быков. Предстоит оживленный спор, и ей думается, что непрошенный гость может оказаться любопытной новинкой. В Эвритауне что-то скучно стало в последнее время.

Атмосфера напряженная. Сцена подготовлена, а главный актер не появляется. Боссу не терпится увидеть Кэбэла, а Кэбэл не идет.

Посланные гонцы возвращаются.

Босс. Где этот человек? Почему его не привели сюда?

Все неловко переминаются.
Босс обращается к Бэртону.

Бэртон. Он ушел с доктором Хардингом.

Босс (встает). Его нужно привести сюда! Он будет иметь дело со мной.

Роксана (кладет руку ему на плечо). Но ты не можешь идти к нему. Это немыслимо! Он должен прийти к тебе!

Босс (колеблется и ерзает на месте, но не встает, подчиняясь ей). Пошлите за ним другого. Пошлите троих. С дубинками. Его надо

немедленно привести сюда.

Бэртон торопливо выходит, чтобы распорядиться.

Лаборатория. Группа беседует.

Кэбэл. Так вот какой человек ваш Босс! Ну, он не исключение. Мы повсюду находим таких полувоенных выскочек, занимающихся драками и грабежом. Вот во что выродились бесконечные войны — в бандитизм! А чего другого можно было ожидать? И мы — все, что осталось от былых инженеров и механиков, — заняты теперь тем, что спасаем мир. В наших руках все, какие остались, воздушные пути, в наших руках море. У нас общие идеи; франкмасонство действительности — братство науки.

Мы, естественно, душеприказчики цивилизации, когда все иное потерпело крах!

Гордон. О, я этого ждал. Я ваш, располагайте мной!

Кэбэл. Не мой, не мой! Никаких «хозяев» больше нет. Располагать вами будет цивилизация. Посвятите себя Мировым Сообщениям!

Стук в дверь. Они оборачиваются. В комнату входит идиотический страж. Позади него трое других посланных Боссом.

Один из них (говорит). Скажи ему, что он должен идти. Если он сам не пойдет, мы понесем его.

Первый страж. Одному богу известно, что со мной будет, если вы

не пойдете, сэр!

Кэбэл пожимает плечами, встает, задумывается, передает свой огромный противогаз Гордону и выходит; стражи почтительно следуют за ним.

В следующей сцене противогаз не фигурирует.

Ратуша. Босс за своим огромным письменным столом. Роксана возле него, настороже. Саймон Бэртон за своим столом. Когда приближаются Кэбэл и стража, Босс подтягивается и принимает властную позу. Кэбэл держит себя непринужденно и фамильярно. Босс — человек плотный и напыщенный. Кэбэл высок, смугл и сухощав.

Кэбэл. Ну-с, о чем вы хотите со мной говорить?

Босс. Кто вы такой? Разве вы не знаете, что эта страна находится в состоянии войны?

Кэбэл. Скажите на милость! Все еще воюет. Тут нужно навести порядок.

Босс. Что вы хотите этим сказать? Какой порядок?! Война есть война. Кто вы такой, спрашиваю я?

Кэбэл делает паузу перед тем, как ответить.

— Закон! — говорит он.

Он поправляется:

— Закон и здравый смысл!

Роксана наблюдает его. Потом смотрит на Босса.

Босс (с некоторым запозданием). Здесь я закон!

Кэбэл. Я сказал: «Закон и здравый смысл».

Босс. Откуда вы прибыли? Кто вы такой?

Кэбэл. Рах Mundi^[5]. Крылья над Миром.

Босс. Ну, знаете, так не являются в воюющую страну.

Кэбэл. А я явился. Разрешите, я сяду.

Садится и, облокотившись на стол, бесцеремонным и умным взглядом рассматривает лицо Босса.

— Итак? — говорит он.

Босс. А теперь спрашиваю вас в четвертый раз: кто вы такой?

Кэбэл. Говорю вам: Крылья, Крылья над Миром.

Босс. Это вздор! Какому правительству вы подчиняетесь?

Кэбэл. Здравому смыслу. Зовите нас летчиками, если вам угодно. Мы сами собой управляем.

Босс. Вы навлечете на себя неприятности, если будете приземляться здесь в военное время. Чем вы занимаетесь?

Кэбэл. Порядок и торговля...

Босс. А, торговля? Можете вы обеспечить нас боеприпасами?

Кэбэл. Это не наша специальность.

Босс. Бензин — запасные части? У нас есть самолеты, у нас есть

ребята, немножко натренированные на земле. Но у нас нет горючего. Это мешает нам. Мы могли бы делать дела.

Кэбэл (задумывается и смотрит себе под ноги). Могли бы.

Босс. Я знаю, где я мог бы достать горючее. Позднее. У меня свои планы. Но если бы вы наладили временное снабжение, мы бы сделали дело.

Кэбэл. Летчики никому не помогают вести войну.

Босс (нетерпеливо). Окончить войну, сказал я. Окончить войну! Нам нужно заключить победоносный мир.

Кэбэл. Мне кажется, я уже

слышал эту фразу. Когда был молодым человеком. Но это не положило конца войне.

Босс. Ну, слушайте же, господин Авиатор. Будем говорить начистоту. Обратимся к действительности. Вы так важничаете, что, по-видимому, не отдаете себе отчета, что вы арестованы. Вы и ваша машина.

Взаимный немой вопрос.

Кэбэл. За мной прилетят другие машины, если я задержусь.

Босс. С ними мы будем иметь дело потом. Вы можете открыть здесь торговое агентство, если хотите. Я не возражаю. И первое, что нам понадобится, — это снова увидеть наши самолеты в воздухе.

Он ищет взглядом подтверждения у Бэртона, который одобрительно кивает головой, а затем у Роксаны. Но Роксана не сводит глаз с Кэбэла, ловя каждое его слово.

Кэбэл. Да. Замысел превосходный. Но наш новый строй не признает частных самолетов.

Роксана (тихо, чтобы расслышал только Босс). Какая наглость!

Босс (кидает на нее беспокойный взгляд. У нее есть привычка иногда самовольно брать слово в дискуссиях). Я говорю не о частных самолетах. Наши самолеты — это общественные самолеты нашего воюющего государства! Мы — свободное и суверенное

государство. В состоянии войны. Я ничего не знаю ни о каком новом строе. Здесь я глава, и я не собираюсь подчиняться вашим законам — ни старым, ни новым!

Кэбэл (откидывается на спинку стула и погружается в размышления. С чуть заметным юмором он произносит). Кажется, я попал в беду!

Босс. Можете считать, что так и есть.

Саймон Бэртон собирался что-то сказать, но раздумал.

Роксана (откровенней). Откуда вы явились?

Кэбэл (улыбается и подчеркнуто обращается к ней). Вчера я вылетел

из нашего штаба в Басре. Ночь я провел на старом аэродроме в Марселе. Мы мало-помалу восстанавливаем порядок и торговлю по всему Средиземноморью. У нас несколько сот аэропланов, и мы строим еще машины, и быстро. У нас опять работают заводы. Я просто хотел разведать, как обстоят дела здесь.

Босс. Разведали! У нас здесь порядок, старый порядок, так что восстанавливать у нас нечего и в помощниках мы не нуждаемся, премного благодарны! Мы — независимое воюющее государство.

Кэбэл. О, это еще надо обсудить.

Босс. Мы не обсуждаем этого вопроса.

Кэбэл. Мы не одобряем таких независимых воюющих государств.

Босс. Вы не одобряете!

Кэбэл. Мы намерены с ними покончить.

Босс. То есть война?

Кэбэл. Как вам будет угодно! Наши знают, что я полетел на разведку. Когда они увидят, что я не возвращаюсь, они пошлют отряд искать меня.

Босс (мрачно). Вряд ли они найдут вас.

Кэбэл (пожимает плечами). Они найдут вас!

Босс. Они найдут меня

приготовившимся. Ну, я думаю, теперь нам ясно, как обстоит дело. Вы, стражи, возьмите этого человека; а если он будет шуметь — дубинками его! Дубинками! Слышите, мистер Крылья над Мозгами? Позаботьтесь об этом, Бэртон! Посадите его в арестантскую внизу.

Он встает, как бы распуская собрание.

Аппарат снимает небольшую комнату позади главного зала предыдущей сцены. Это комната отдыха Босса. Роксана входит первая и поворачивается к Боссу, который следует за нею.

Роксана (едко). Как это было умно!

Босс (мгновенно раздражаясь).
Умно!

Роксана. Да, умно; очень умно было сразу же поссориться с ним!

Босс. Поссориться с ним! Черт побери, он первый начал ссору! Навести порядок собрался! С войной покончить!

Роксана. Но... но за ним кое-кто стоит.

Босс. За ним-то? Да это какой-то воздушный шофер. А говорит со мною, как равный!

Роксана. И поэтому ты вышел из себя и нагрубил ему.

Босс. Я не грубил ему. Я только поставил его на место.

Роксана. Нет, Рудольф! Ты груб!

И ты слишком рано разошелся.

Босс. Сегодня тебе что-то не угодишь.

Роксана. Разумеется, когда ты делаешь одну бестактность за другой. Роняешь свой авторитет. Жертвуешь своим достоинством.

Босс. Вот-те на! Да что с тобой?

Роксана. О, я-то видела! Тут твой главный механик — человек необходимый для твоего дела, — а ты не можешь глаз оторвать от его жены! Разве я не знаю тебя! Но бросим это. Я научилась смотреть на это сквозь пальцы. Я опять спрашиваю — все равно, будешь ты мне грубить, или нет, — умно ли было так обойтись с этим

человеком?

Босс. Как же иначе можно было с ним обойтись? Как?

Роксана. Да ты сообрази! Это первый настоящий авиатор, которого мы увидели за много лет. Подумай, дорогой, что это значит! Тебе нужны самолеты, не правда ли? Тебе нужно привести свои самолеты в порядок? Я, знаешь ли, всегда сомневалась, годится ли для этого дела Гордон. Он довольно красив, — по-своему, конечно, в нем силы не чувствуется, — но есть ли у него сноровка, знания? Он все делает кое-как. Ему нужна только эта его девчонка, которую ты считаешь такой красавицей. Действительно

способный человек давно бы уже починил часть этих машин! Я уверена!

Босс. А тут является этот иностранец и собирается навести у меня порядок. И ты предлагаешь мне передать ему мои самолеты со всеми потрохами!

Роксана. Зачем ты говоришь вздор? Ты мог бы убедить его работать — под надзором.

Босс. Под надзором? С этими моими идиотами? Им с ним не справиться.

Роксана. Если и тебе с ним не справиться, повесь его, а его машину спрячь, пока за тебя не взялись другие. Но если он тебе будет по

силам...

Босс. Он будет мне по силам!

Роксана. Отлично. Железной рукой в бархатной перчатке. Что пользы оскорблять его и держать взаперти?

Босс. Я с тобой не согласен. Да, не согласен. Теперь слушай. Выслушай меня. Ты не понимаешь. Настало наше время. По-твоему, я дурак. Но я расскажу тебе кое-что, что у меня на уме! Если бы ты больше ценила мой ум, и меньше обращала внимание на мои поступки — это было бы лучше для тебя.

Саймон Бэртон осторожно приближается к ним и почтительно слушает.

Босс. Этот... этот незнакомец... не захватил меня врасплох. Я знал, что так будет!

Крупным планом показаны недоверчивые физиономии Роксаны и Саймона Бэртона.

Босс. Да, я знал, что он явится. Я чувствовал, что они там обогнали нас с воздушными силами. Я чувствовал, что где-то в мире назревает заговор шоферов воздушных автобусов. Отлично! Момент настал. Этого субъекта мы продержим под замком с недельку или около того. Может быть, его еще не скоро хватятся. Я все подготовил к наступлению прямо вверх по долине Флосса на старые угольные и

сланцевые шахты, где остались запасы нефти! И тогда мы взмываем ввысь! Крылья над Горным государством! Все смеялись над моим воздушным флотом, который даже по земле не ползает. Посмотрим, засмеются ли теперь.

Роксана. Милый мой, все это очень хорошо. Но это не объясняет, почему ты обращаешься с новоприбывшим, как с врагом. Я не думаю, чтобы Гордон был хорошим механиком. А вот этот, очевидно, да!

Босс. Перестань долбить об этом! Ты всегда воображаешь, что все решительно знаешь лучше меня!

Роксана (медленно). Я сама поговорю с этим человеком.

Босс. Так вот ты к чему стремилась!..

Роксана. Ничего ты не понимаешь!

Босс. Не понимаю! Ты не пропускаешь ни молодых, ни старых. Предоставь этого человека мне! Оставь его в покое!

Небольшая полупустая комната вроде камеры при полицейском участке. Она слабо освещена окном с решеткой. Кэбэл сидит на деревянном стуле, поставив локти на ничем не покрытый стол, и обдумывает положение.

Кэбэл. Я угодил в ловушку. Старая сказка о самоуверенном умнике и свирепом негодяе... Пока

меня хватятся, могут пройти недели. Они подумают, что у меня испортилось радио. А тем временем мистер Босс будет делать что ему угодно...

«Бежать?»

Он осматривает камеру. Встает и разглядывает решетку на окне.

«Они, наверное, стерегут мою машину...»

Опять садится, горько смеется над собой и барабанит пальцами по столу совершенно так же, как делал это в третьей части фильма.

Потом нетерпеливо вскакивает. Подходит к окну. Его лицо в тусклом свете крупным планом.

«Вероятно, каждому положено

рано или поздно сделать какую-нибудь безнадежную глупость. Так вот и я. Я, планировщик нового мира...

Как раз теперь, когда все готово...

Если эта бешеная собака укусит меня, и я умру... любопытно знать, кто же выполнит...

Незаменимых людей не бывает...»

Он пробует, крепки ли прутья решетки. Его руки, вцепившиеся в прутья. На них наплывает — Сцена перед Ратушей. Небольшой отряд конницы со знаменем отправляется на войну. Приводят двух лошадей, появляются Босс и Роксана и садятся

на них.

Весь отряд отъезжает.

Небольшая и не особенно восторженная толпа наблюдает их отъезд. Слабое «ура».

Бой на холме, господствующем над угольными шахтами. Босс руководит операциями. С ним командиры его иррегулярных войск. Они отъезжают галопом.

Угольные шахты. Конница Босса атакует примитивные окопы. Засевшие в них не в силах защищаться и обращаются в бегство. Один или два мгновенных кадра стычки. Солдаты Босса явно побеждают, неприятель разгромлен.

Центральная площадь. Въезжает

отряд, конницы. Следом появляются торжествующие Босс и Роксана. Боковые улицы украшены флагами. Толпа проявляет энтузиазм. Народ приветствует Босса и Роксану, которые останавливают коней перед Ратушей.

Группа зрителей крупным планом. Один мужчина объясняет другому.

Мужчина. Мы захватили угольные шахты и старые нефтяные цистерны, и у нас будет наконец нефть!

Крупным планом показан худощавый возбужденный юнец со значком-розеткой: «Теперь мы к черту разнесем холмы бомбами».

В Ратуше. Днем позже. Босс все еще разгорячен своим триумфом. С ним почти все его окружение, но Роксана первое время отсутствует. Восемь-девять офицеров маленькой армии. Возле письменного стола Босса арестованный Гордон. Босс ходит взад и вперед и ораторствует.

Босс. Победа близка. Ваши жертвы были не напрасны. Наша длительная борьба с Горными жителями достигла высшего напряжения. Наша победа у старых угольных шахт дала нам в руки новый запас нефти. Мы снова можем подняться в воздух и посмотреть в лицо налетчикам. У нас около сорока самолетов — огромный флот,

осмелюсь сказать, не меньше, чем у кого бы то ни было в мире в настоящее время! Нефть, захваченную нами, мы можем приспособить для наших машин. Это совсем не трудно. Остается только одно: бомбардировать горы и окончательно усмирить жителей. Тогда на некоторое время мы добьемся выгодного мира, мира сильного вооруженного мужа, стерегущего дом свой! И теперь, в момент высшего напряжения, вы. Гордон, наш главный инженер, вздумали отказать нам в помощи. Где мои самолеты?

Гордон. Дело гораздо труднее, чем вы думаете. Половина ваших

машин в безнадежном состоянии. У вас нет и двадцати здоровых машин. Точнее, девятнадцать. Остальных вы никогда не поднимете с земли. Это не так просто, как вы воображаете. Мне нужен помощник.

Босс. Какой помощник?

Гордон. Ваш пленник.

Босс (поворачивается к нему).

Вам нужен этот малый в черном — Крылья над Миром? Вы хотите, чтобы его освободили?

Гордон. Он знает свое дело. Я знаю недостаточно. Сделайте его моим... ну, техническим консультантом.

Босс. Не доверяю я вам, техникам!

Гордон. Тогда у вас не будет ни одного летающего самолета.

Босс. Мне нужны эти самолеты!

Гордон пожимает плечами.

Босс. А если вы его получите?

Гордон. Тогда мне нужно, чтобы и доктора Хардинга выпустили.

Босс. Ведь они давнишние приятели.

Гордон. Что ж делать! Если кто в Эвритауне и сумеет приспособить эту грубую нефть для наших самолетов, так только Хардинг. Если не удастся, ничего не выйдет.

Босс. Мы немножко повздорили с Хардингом.

Гордон. Он единственный, кто может сделать это для вас.

Босс. Приведите Хардинга!

Входит Роксана, не без спокойного достоинства, между тем как собрание дожидается Хардинга. Босс бросает на нее такой взгляд, словно хочет сказать, что ей лучше было не приходить. Она стоит, критически оглядывая сцену.

Вводят Хардинга. Он растрепан, руки его связаны. Вид у него такой, словно его избивали.

Босс. Развяжите ему руки.

Страж развязывает Хардинга.

Босс (останавливается и смотрит на Хардинга). Ну?

Хардинг. Что «ну»?

Босс. Приветствие.

Хардинг. Обойдетесь и так.

Страж делает движение, чтобы ударить Хардинга, но тут вмешивается Роксана.

Роксана. Нет!

Босс. Сейчас не в приветствии дело. Об этом поговорим потом. А сейчас подумаем, как нам быть. Вы, Гордон, будете руководить реконструкцией наших воздушных сил. Арестованный Кэбэл будет отдан вам под начало. Куда бы он ни пошел, он будет находиться под стражей и надзором. В этом отношении никаких поблажек. И ни вы, ни он не должны подходить ближе чем на пятьдесят ярдов к его самолету. Помните об этом! Вы, Хардинг, будете помогать Гордону в

вопросе о горючем и предоставите в наше распоряжение ваши знания по части ядовитых газов.

Хардинг. Говорят вам, я не желаю иметь ничего общего с ядовитыми газами.

Босс. У вас есть знания, и я, если нужно, вырву их у вас. Воюющее государство вам отец и мать, оно единственный ваш покровитель, оно средоточие всех ваших интересов. Нет достаточно сурового наказания для человека, отрицающего это словом или делом.

Хардинг. Вздор! У нас есть долг перед цивилизацией. Вы и вам подобные идете назад, к вечному варварству!

Присутствующие ошеломлены.

Бэртон (порывается вперед). Но ведь это сушая измена!

Хардинг. Во имя цивилизации я протестую против того, что меня оторвали от моей работы! Будь они прокляты, ваши дурацкие войны! Ваши военные материалы и все прочее! Всю мою жизнь нарушила, погубила, искалечила война! Я больше не хочу этого терпеть.

Бэртон. Это измена, государственная измена!

Стражи бросаются к Хардингу, хватают его и крутят ему руки.

Хардинг рычит от боли. Роксана выступает вперед.

Роксана. Нет! Прекратите это.

Стражи останавливаются.
Хардинг урюмо молчит. Босс
подходит к нему вплотную.

Босс. Нам нужны ваши услуги.

Хардинг. Ну, чего вы хотите?

Босс. Вы призваны на военную
службу. Вы должны теперь
подчиняться только моим приказам,
и больше ничьим на свете. Здесь я
владыка! Я — государство. Мне
нужно горючее... и газы.

Хардинг. Ни горючего, ни газов)
Босс. Вы отказываетесь?

Хардинг. Категорически.

Босс. Я не хотел бы идти на
крайние меры.

Роксана, не сводя глаз с Гордона,
шепчет что-то Боссу. Гордон на

несколько шагов приближается к аппарату. У него свои планы. Он пристально смотрит на Роксану, словно молча пытается повлиять на нее, рассчитывая на ее помощь. Уверенность и слабый намек на дерзость во всем его облике усиливаются.

Гордон. Сэр, можно мне сказать слово? Насколько я понимаю, вы хотите, чтобы все эти ваши старые корыта, которые вы величаете своими воздушными силами, опять летали — и летали хорошо?

Босс. Они должны полететь.

Гордон. С помощью этого человека — Кэбэла, которого вы держите в темнице, и с помощью

доктора Хардинга вы можете поднять в воздух по крайней мере дюжину ваших самолетов!

Хардинг. Вы предаете цивилизацию! Я не притронусь к ним!

Гордон (игнорируя его). Если вы отдадите мне Кэбэла и... если позволите мне переговорить с доктором, я обещаю вам, что вы снова увидите в небе ваш воздушный флот — по крайней мере треть его.

Босс. Вы говорите так, словно заключаете со мной сделку.

Гордон. Прошу извинения, Босс! Не я выдумал эти условия. Они лежат в природе вещей. Вы не получите технических услуг и научной

помощи, если не будете прилично обращаться с людьми, которые оказывают ее вам!

Роксана (Боссу, но так, чтобы все слышали). Это то, что я говорю все время! Ты слишком грубишь и запугиваешь, мой милый. Есть предел и запугиванию. Помилуй! Битьем даже собаку не заставишь охотиться!

Босс. Мне нужны аэропланы!

Гордон. Хорошо.

Босс. И я намерен командовать здесь!

Роксана. В таком случае ты должен быть благоразумен, мой милый, вот и все.

Крупным планом фигура Босса,

недоумевающего, где кончается Власть и начинается Благоразумие.

Гордон и Кэбэл возятся с авиационным мотором, который так смущал Гордона в начале этой части. Они отлично спелись. Кэбэл работает, а Гордон учится у него. Четыре стража следят, во все суют свой нос и добросовестно слушают, но ничего не понимают. Они переглядываются. Они слишком тупы, чтобы уследить за беседой.

Кэбэл (сквозь зубы). Если бы только они дали нам подойти к моей машине. Там есть радиоустановка.

Гордон. Безнадежное дело... Они не доверяют даже мне.

Кэбэл. Придется нам придумать

какую-нибудь штуку.

Гордон. Я мог бы послать людей за вашим запасным бензином. Мне его дадут. Для этой машины.

Кэбэл. Хорошо. (Потом он говорит громко, словно о машине.) Всего трудней в этом деле так называемая у-течка, вроде как у-драть. Но у меня есть мысль!

Гордон. Я думаю, мы это устроим. Теперь, когда доктору Хардингу ясна его часть задачи...

Они ободряюще кивают друг другу и затем смотрят на глупые физиономии стражей. Можно говорить без опаски.

Вечер.

Кэбэл сидит в своей камере при

свете двух свечей. Вид у него
скучающий и унылый. Он
оборачивается, услышав стук в дверь.

— **Войдите.** Что за церемонии!

Страж почтительно распахивает
дверь. Появляется Роксана в
тщательно обдуманном наряде. Кэбэл
не ожидал ничего подобного. В
отношении с женщинами у него
имеется опыт, но ему совершенно не
свойственна жадная
предприимчивость Босса. Он встает.
Она входит, и повадка ее показывает,
что она достаточно сознает
производимый ею эффект. Он молча
кланяется.

Роксана. Мне хотелось повидать
вас.

Кэбэл (сухо.) К вашим услугам, сударыня.

Роксана. Вы самое интересное из всего, что случилось в Эвритауне за много лет!

Кэбэл. Вы оказываете мне честь.

Роксана. Вы явились извне. Я начала было забывать, что существует что-нибудь во «вне». Я хочу узнать что-нибудь об этом.

Кэбэл. Разрешите предложить вам мой единственный стул?

Роксана садится и прихорашивается. Потом смотрит на Кэбэла, чтобы проверить, какое она произвела впечатление. Во время последующей беседы Кэбэл стоит

возле стола и иногда прислоняется к нему. Он лишь изредка случайно взглядывает на нее, но взгляд у него испытующий.

Роксана. Вы знаете, я неглупая женщина!

Кэбэл. Не сомневаюсь.

Роксана. Наша здешняя жизнь ограничена. Война — доходный грабеж. Блестящие призы. В некотором роде. Война все тянется и никак не кончается. Флаги. Маршировка. Я обожаю Босса. Я обожаю его с тех пор, как он взял власть в дни Бродячей болезни, когда все другие пали духом. Он правит. Он тверд. Все-все женщины находят его сильным и пленительным. Я не могу

пожаловаться. У меня есть все, что можно иметь здесь. Но...

Кэбэл (с минуту смотрит на нее. «Куда она гнет?» Он издает тихий поощрительный звук). М-мм...

Роксана. Мы здесь живем в маленьком, ограниченном мирке. Вы принесли с собой дыхание чего-то большого. Когда я увидела, как вы спускались с небес, когда я увидела, как вы шли к Ратуше, я почувствовала: этот человек живет в большом мире! А вы заговорили о Средиземном море и Востоке, о ваших лагерях и заводах. Я читала о Средиземном море, о Греции, Египте и Индии. Я умею читать — у меня куча старых книг. Я не похожа на

большинство нашей молодежи. Я многое узнала до того, как преподавание прекратилось и школы были закрыты. Я хочу увидеть этот далекий мир! Солнце, пальмы, горы, синее море!

Кэбэл. Если б моя воля, вы бы полетели во все эти места через несколько дней.

Роксана (впадает в задумчивость и потупляет глаза). Если бы вы были свободны... И если бы я была свободна.

По лицу Кэбэла видно, что его разбирает любопытство. «Что она затевает?»

Роксана. Я не думаю, чтобы хоть один мужчина понимал хоть

одну женщину с самого сотворения мира! Вам не понять наших фантазий. Какими дикими могут быть наши фантазии!

Кэбэл решает не прерывать ее.

Роксана. Мне жаль, что я не мужчина. (Она порывисто встает.) О, если б я была мужчиной!.. Разве мужчина понимает, что такое жизнь женщины? Какими пошлыми нам приходится быть! Мы должны нравиться. Мы обязаны нравиться. И разве нас поощряют, когда мы пытаемся принять серьезное участие в жизни? И так всегда... Мужчины так самодовольны, так слепы, так ограничены... Чего я только не насмотрелась
здесь!..

Несправедливость. Жестокость. Мне бы хотелось сделать что-нибудь для бедных — облегчить их положение. Мне не позволяют. Мне приходится притворяться, будто я увлечена своими нарядами, своими драгоценностями, своим тщеславием. Нередко я занимаюсь собой с болью в сердце... Но я говорю о себе. Расскажите вы о себе — о том большом мире, в котором вы живете. Вы тоже Босс? У вас манеры человека, который повелевает. Вы уверены в себе. Вы заставляете меня бояться вас. Людей, от которых вы явились. Того, что вы собой представляете. До вашего появления я чувствовала себя здесь в

безопасности. Я чувствовала: все идет как заведено... как всегда... Без надежды на перемену... Теперь стало иначе. Что вы пытаетесь сделать с нами? Что вы намерены сделать с этим моим Боссом?

Кэбэл. Ну, сейчас, кажется, на очереди другой вопрос: что он намерен сделать со мною?

Роксана. Что-нибудь глупое и насильственное, если я этому не помешаю.

Кэбэл. Мне тоже так кажется.

Роксана. Что, если он убьет вас?..

Кэбэл. Мы придем сюда и все-таки наведем порядок.

Роксана. Но если вас убьют...

как вы можете говорить «мы»?

Кэбэл. О, мы не умрем. В том-то и дело, мы берем все в свои руки. В конце концов ни в науке, ни в управлении нет незаменимых людей. Человечество не умирает. Мы существуем всегда.

Роксана. Понимаю. А что же наше Воюющее государство?

Кэбэл. Ему придется уйти в историю. Заодно с тиранозавром и саблезубым тигром.

Роксана (встает и смотрит на него. Он прислонился к столу и улыбается ей). Вы для меня человек совсем новой породы!

Кэбэл. Нет. Нового воспитания. В основе своей — ветхий Адам.

Она (опять срывается).
Вероятно, в глубине души каждая женщина презирает мужчину, которым она может командовать. И все женщины презирают мужчин, которые бегают за женщинами...

Кэбэл. Вы случайно не о Боссе ли говорите? Где он сейчас?

Роксана. Пьет и бахвалится. И, кроме того, надеется обмануть меня исподтишка. Боюсь, что это тщетная надежда. О нем нам незачем думать. Если я сказала, что люблю его, то лишь так, как любят грязного, беспокойного ребенка. Я люблю его, но не в нем дело. Думаю я о вас. И об этом вашем новом мире — о, этот ваш мир! — который наступает на

нас, я это чувствую.

Пауза.

Кэбэл. Ну?

Роксана. Неужели мужчинам
вашего склада не нужны женщины?

Кэбэл. Сударыня, я вдовец и
дедушка. Я смотрю на эти вещи с
философской отчужденностью. Я не
совсем хорошо понимаю, что вы
разумеете под словом «нужны».

Роксана. Мужчина остается
мужчиной до самой смерти. Неужели
вам не нужна помощь женщины?
Неужели вам не нужна та
безграничная преданность, которой
вам никогда не найти в мужчине?
Разве вы не видите, что я уже
работаю для вас? Смотрите, что я

сделала для вас! Я спасла Хардинга от побоев. Я наполовину освободила вас, так что вы можете работать с Гордоном. Я, может статься, сумею в конце концов освободить вас совсем. За что вы меня презираете?

Кэбэл. Я вас несколько не презираю. Я думаю, что вы самое цивилизованное существо, какое я пока что встретил в Эвритауне.

Роксана. Больше, чем ваши друзья?

Кэбэл. О, гораздо больше.

Роксана польщена. Она спешит сделать следующий шаг:

— Почему бы вам не довериться мне? Вот Гордон, его жена Мэри и ее отец Хардинг — все вы, вы вроде бы

вместе. Что-то увлекает вас всех. Вы думаете, я не знаю, что вы строите какие-то планы и что-то делаете? Разве я не могла бы помогать вам? Я знаю эти места, этих людей. Я здесь вроде королевы. Разве я для вас совсем ничего не значу?

Теперь Кэбэл внимательно разглядывает ее. Может быть, она пытается разведать его план побега и выдать его Боссу? Или она решила выдать Босса ему? Или же она ведет сложную игру, готова на то и на другое и заинтересована главным образом в том, чтобы затеять любовную интригу?

Он говорит:

— И вы действительно могли бы

вернуть мне мой самолет? Разве он не выведен из строя?

Роксана. Нет. Он сам хочет пользоваться им, но не умеет. Никто не трогал самолета. Он стоит на месте. И шесть стражей охраняют его днем и ночью. Даже я сейчас не могла бы пробраться к нему.

Кэбэл, опиравшийся о стол, выпрямляется и стоит перед ней. Она смело встречает его взгляд.

Кэбэл. Что вы, собственно, предлагаете мне?

Роксана. Ничего. Я пришла навестить вас. Вы меня интересуете.

Кэбэл. Ну?

Роксана. И теперь я нахожу вас более интересным, чем когда-либо.

Женщина любит помогать. Она любит давать. Я могла бы дать так много — теперь. И если бы я дала?..

Кэбэл говорит тоном уполномоченного:

— Воздушная Лига не забудет этого.

Роксана. Воздушная Лига не забудет! Воздушная Лига! Кому дело до Воздушной Лиги? А вы забудете?

Кэбэл. Зачем же мне, в частности...

Роксана. Вы что, глупы? Или хотите оскорбить меня? Я говорю вам, что нахожу вас интереснейшим мужчиной в мире, великим орлом с поднебесья. А вы уставились на меня и прикидываетесь, будто не

понимаете! Разве вы никогда раньше не встречали женщины? Вы некрасивый и седой. Это неважно.

Манера ее меняется. Она подходит к нему, протягивая руки, словно хочет стиснуть его плечи.

— Ах, зачем мне пререкаться с вами? Разве вы не видите, разве вы не понимаете? Я за вас, если вы хотите меня! Я ваша! Вы большой, сильный, сплошная сталь и достоинство. Теперь, теперь вы позвольте мне помочь вам?

Оба слышат какое-то движение за дверью. Она быстро отшатывается. Дверь без церемонии распахивается, и в рамке ее показывается Босс. На нем военная, по его представлениям,

форма. Она не лишена известной грубой пышности. На миг он застывает в неподвижности.

Босс. Так вот ты где!

Роксана. Я сказала, что поговорю с ним, — и поговорила!

Босс. Я сказал, чтоб ты оставила его в покое!

Роксана. Да, и чтоб ты остался там пьянствовать и пыжиться изо всей мочи. Рудольф Победоносный! Я знаю, ты дважды посылал приглашения Гордону и его жене! Чтобы она видела тебя во всей твоей славе! А я тут стараюсь разузнать для тебя, что замышляет этот черный захватчик. Ты думаешь, мне очень хотелось разговаривать с ним (она

поворачивается к Кэбэлу), с этим холодным седым стариком? Пока ты здесь пыжишься, в Басре готовят все новые самолеты!

Босс. В Басре?

Роксана. Там его главная квартира. Разве ты никогда не слыхал о Басре?

Босс. О таких материях могут разговаривать только мужчины.

Кэбэл. Ваша дама подвергла меня суровому допросу. Но суть дела в том, что там, в Басре, самолеты вылетают днем и ночью, как шершни из гнезда. Что будет со мной, неважно. Они доберутся до вас. Новый мир объединившихся летчиков доберется до вас. Да вот,

прислушайтесь! Их почти можно слышать — они приближаются.

Это поразило на минуту воображение Босса, но он приходит в себя:

— Ничего подобного!

Роксана. То, что он говорит, — правда.

Босс. То, что он говорит, — блеф!

Роксана. Помиришь с летчиками и отпусти его.

Босс. Это равносильно отказу от нашего суверенитета.

Роксана. Но ведь прилетят другие! Еще машины и еще.

Босс. А он здесь — залог их хорошего поведения. Полно,

сударыня! Надо положить конец этой
вашей маленькой...
дипломатической экскурсии.

Он распахивает перед ней дверь.

Роксана кипит. Хочет что-то
сказать, но выходит.

У дверей она оборачивается и
пускает в Босса прощальную стрелу:

— У тебя пронизательности,
как у... — Она ищет подходящего
слова и вдруг находит: — ...как у
жабы!

После ее ухода Босс
поворачивается и идет к Кэбэлу.

Босс. Я не знаю, что она тут вам
говорила. Может быть, и не хочу
знать. Не настолько, во всяком
случае, как ей кажется. На ее

капризы надоело обращать
внимание. С меня хватит. Но я не
дурак. Между мной и вами не может
быть мира. Решительно никакого.
Мир — или ваш, или мой. Он будет
моим, или я умру в бою. После всех
этих угроз — рои шершней и так
далее — вы все-таки заложник.
Поймите это. К вам никто не придет.
Вашему другу Гордону придется
обойтись без вас. И не будьте так
уверены в своей победе! Стало быть,
сидите здесь и думайте, мистер
Крылья над Миром!

На другой день. Лаборатория д-
ра Хардинга, залитая ярким дневным
светом. Мэри стоит, прислонившись
к рабочему столу, Роксана

разговаривает с ней.

Роксана. Дело не только в том, что я хочу оградить вас от оскорблений Босса. О! Я знаю его. Но я хочу поговорить с вами об этом Кэбэле и Море Летчиков, о котором столько говорят. Что это за новый мир приближается? Действительно ли это новый мир? Или только старый, одетый по-новому? Понятен ли вам Кэбэл? Создан ли он из плоти и крови?

Мэри. Он великий человек. Мой отец знал его много лет назад. Мой муж преклоняется перед ним.

Роксана. Он такой холодный, такой озабоченный. И такой... интересный. Могут такие мужчины

любить?

Мэри. Может быть, особенной любовью.

Роксана. Любовь на льду! Если этот новый мир со своими воздушными кораблями, наукой и порядком осуществится, что будет с нами, женщинами?

Мэри. Мы будем работать, как мужчины.

Роксана. Вы это серьезно? А вы из плоти и крови?

Мэри. В такой же мере, как мой муж и отец.

Роксана (с бесконечным презрением). Мужчины! Порою, когда я думаю об этом тощем, угрюмом Кэбэле, я верю, что ваш

мир должен прийти. А потом я думаю: не может этого быть. Не может! Это сон. Будет казаться, что началась новая жизнь, но она не начнется. Просто новая группа людей захватит власть. И опять будут войны. И борьба.

Мэри. Нет, придет цивилизация. Настанут мирные времена. Кошмарный мир, в котором мы живем, — вот что сон, вот чему придет конец!

Роксана. Нет, нет. Вот это действительность!

Мэри (смотрит вперед, в пространство). Неужели вы в самом деле думаете, что война, борьба, случайные проблески счастья, общая

нищета — весь этот жалкий нестройный мир, окружающий нас, неужели вы думаете, что все это вечно?

Роксана. Вы хотите невозможного. Ваш мир прекрасен в своем роде, но немыслим. Вы требуете от людей слишком многого. Им будет лень создавать его. Вы требуете, чтобы они желали неестественного. Что нам нужно? Нам, женщинам? Знания, цивилизация, благо человечества? Вздор! О какой вздор! Мы хотим удовлетворения. Мы хотим блеска. Я хочу быть любимой, сознавать, что я нужна, желанна, горячо желанна, чувствовать себя блестящей и

казаться блестящей. Вы думаете, вы хотите чего-нибудь иного? Нет. Но вы еще не научились смотреть фактам в лицо! Я знаю мужчин. Каждый мужчина желает одного и того же — славы, блеска! Славы в какой бы то ни было форме. Славы быть любимым — мне ли не знать? Славу они любят больше всего, Славу управления всем здесь — славу войны и победы. Этот ваш прекрасный новый мир никогда не наступит. Чудесный мир разума! Он был бы не нужен, если б даже и наступил. Он был бы тихий и безопасный и — бррр! — скучный. Ни любовников, ни воинов, ни опасностей, ни приключений.

Мэри. Ни приключений? В том, чтобы помогать перестраивать мир, — нет славы? Да вы бредите!

Роксана. Помогать мужчинам! Зачем нам работать и трудиться на мужчин? Пусть лучше они трудятся на нас.

Мэри. Но мы можем трудиться вместе с ними!

Роксана. А чем же они тогда будут заниматься?

Мэри. Великими делами.

Роксана. В этих великих делах нет вкуса. Никакого! Ни капли! Эти летчики, они завоюют мир. А потом мы завоюем их, какими бы сухопарыми, серьезными и трезвыми они ни были.

Мэри. Если бы я думала, что это все, на что мы годимся...

Роксана. Это и есть все, на что мы годимся. Неужели брак с Гордоном ничему вас не научил?

Мэри с отвращением смотрит на нее. Но не знает, что возразить.

Слышится быстро нарастающий гул самолета. Они поворачиваются к окну и смотрят. Обе взволнованы.

Они вытягивают шеи, чтобы разглядеть аэроплан, кружащий у них над головой. Он производит сильный знакомый шум.

Роксана. Смотрите! Это ваш Гордон. Он полетел наконец!

Летит самолет. В самолете за рычагами управления Гордон. Он

доволен. За ним сидит страж с розеткой. Гордон поворачивает машину. Виден Эвритаун далеко внизу. Машина летит дальше. Страж ерзает на своем месте. Он протестует, но его не слышно из-за рева мотора. Гордон не обращает на него внимания. Страж похлопывает Гордона по плечу, показывает ему знаками, что надо вернуться, и наконец, получив в ответ лишь веселую улыбку, наставляет на него револьвер. Они испытующе смотрят друг на друга. Страж неуверенно угрожает. Гордон указывает на край кабины. Он вдруг усмехается, раскусив своего противника, и показывает ему нос. Самолет резко

взмывает вверх, и страж, забыв про револьвер, судорожно хватается за что попало в явном испуге.

Самолет делает мертвую петлю, затем «падение листом».

Страж все это время терпит невыносимые муки. Он роняет револьвер и хватается за борта кабины.

Револьвер падает. Ударяется оземь и взрывается.

Аэроплан улетает вдаль, за холмы.

«Вот я и удрал!» — доносится голос Гордона.

Пока он говорит, наплывает следующая сцена.

Конференц-зал в Басре, похожий

на ультрасовременный кабинет для заседания правления. Меблировка темная, рациональная. Опять работают телефоны. В большое раскрытое окно виден огромный и все расширяющийся аэродром Басры, самолеты прилетают и улетают. Вдали дымят фабричные трубы. Картина являет неожиданный контраст с общей разрухой, господствовавшей на протяжении фильма, начиная с войны. С десятков молодых и пожилых людей сидят за столом; они привыкли к тому, что происходит за окном, и совершенно не обращают на это внимания. Гордон говорит стоя — он слишком возбужден, чтобы сидеть.

Гордон. Вот я и удрал. Там вы найдете Кэбэла. Босс Эвритауна — буйный хулиган, от него можно ожидать чего угодно. Нельзя терять ни минуты!

Пожилой мужчина. Разумеется, нельзя терять ни минуты. Полуэскадрилья «А» уже на вылете. Вы готовы полететь с нами, мистер...?

Гордон. Гордон, сэр.

Пожилой мужчина начинает набирать номер телефона.

Молодой человек. Это дает нам случай испытать новый анестетический препарат. Умиrotворяющий газ... Жаль, что я не могу полететь...

Наплыв, следующая сцена.

Спальня Босса. Это большая неопрятная комната, обставленная лучшей мебелью, какую можно было наgrabить в округе. Босс в дезабилье, он только что встал с постели. Он еще заспанный. С ним Бэртон, а у дверей стоит курьер.

Бэртон. Наконец-то у нас есть определенные сведения.

Босс. Какие?

Слуга приносит поднос с завтраком и ставит его на стол.

Бэртон. Гордон не упал в море. Он удрал. С рыболовного судна видели, как он направлялся к французскому берегу. Вероятно, он добрался до своих приятелей.

Босс (кисло). Ну?

Бэртон. Он вернется. Он привезет с собой других.

Слуга уходит.

Босс еще не совсем проснулся и брюзжит: — Будь она проклята, эта Воздушная Лига! Черт бы побрал всех летчиков, и газометателей, и механиков! Зачем мы не оставили в покое их машины и химикалии! Надо было догадаться. Зачем я полез в это летное дело?

Бэртон. Что ж, нам нужны были самолеты — против Горного государства. Не мы, так кто-нибудь другой опять завел бы самолеты, газы и бомбы. Эти люди так или иначе вмешались бы.

Босс. Зачем только разрешили все эти науки? Зачем дали этому воскреснуть? — Он без увлечения принимается за завтрак. Опять начинает: — Наука! Это враг всего, что есть естественного в жизни! Мне эти летчики ночью снились. Рослые, страшные, все в черном, словно не люди. Наполовину машины. Бомбят и бомбят!

Бэртон. Да, бомбить они будут, это как пить дать.

Босс. Тогда мы будем с ними драться. После того, как Гордон сбежал, я вызывал к себе двух-трех летчиков. Это ребята смелые. Они еще покажут себя! (Он ходит взад и вперед, уплетая хлеб.) Мы будем

драться с ними. Будем драться! У нас есть заложники... Теперь я рад, что мы их не расстреляли. Интересно, смог бы этот Хардинг... Ну, разумеется! Он может рассказать нам, как бороться с этим газом. Хотя бы даже нам пришлось для этого вывернуть ему руки или заставить его проглотить половину собственных зубов. Подать его сюда!

Бэртон у двери кличет людей и отдает приказания.

Босс ободрился и ест теперь с большим аппетитом: — Рано или поздно им придется спуститься на землю. Что такое эти Мировые Сообщения? Горстка людей, таких же, как мы. Они не волшебники.

Перед кое-как сколоченным ангаром выстроился ряд старых, потрепанных самолетов. Перед ними стоит несколько очень молодых и на вид неопытных летчиков. Босс делает им смотр. Возле него Роксана.

Босс (начинает свою речь). Вам вверяю я эти хорошие, эти испытанные и проверенные машины! Вы не механики — вы воины. Вас учили не мыслить, а действовать и — если понадобится — умирать. Я приветствую вас, я, ваш Босс!

Летчики довольно неохотно отправляются к своим машинам и запускают моторы. Это почти что показ наших современных (1935) машин, в последней стадии

разрушения и после бесконечных ремонтов.

Общим планом, очень далеко — новый тип бомбардировщика, летящего с какой-то беспощадной решимостью по сравнению с прыжками и неуверенным летом машин Босса. Это возвращается Гордон. За ним, где-то над самым горизонтом, следуют еще два больших бомбардировщика.

У этой машины свой особенный, характерный шум, которому должна вторить угроза в музыке фильма.

Более крупным планом — части этого огромного бомбардировщика. Летчики (трое мужчин и две женщины), стоя, смотрят вниз, на

землю, один из них Гордон. Гордон в тревоге.

Просторная пещера, перекрытая балками обрушенного строения. Из нее открывается вид на пригородные развалины и отдаленный холм. Босс с Бэртоном, Роксаной и своим штабом. Босс рассматривает в бинокль знакомую линию горизонта. Стражи вводят Мэри и Хардинга. Босс оборачивается к ним.

Босс. Что вы знаете об этих людях — о Воздушной Лиге? Есть у них газ? Какой газ?

Хардинг. О газе ничего не знаю.

Босс. Эй, где противогазы? Подайте сюда.

Два парня приносят

противогазы — карикатура на существующие.

Босс. Расскажите нам хотя бы об этих масках.

Хардинг осматривает противогаз, разрывает его и бросает на пол: — Дрянь! Абсолютно бесполезны.

Босс. Какой у них газ?

Хардинг. Газовая война не моя специальность.

Босс. Ну они, во всяком случае, не могут отравить нас газом, раз вы здесь.

Бэртон (в ужасе). Вот они. Слушайте. Они уже летят!

Необычный рокот самолетов Гордона и сопровождающая его

музыка постепенно становятся громче.

Босс бросается вперед и смотрит в бинокль:

— Неуклюжие махины! Наши ребята собьют их в пять минут. Они слишком неуклюжи. Как! Наших поднялось только пять? Где же остальные?

Что-то невидимое приводит группу во внезапное замешательство. В отдалении наземь падает машина, обьятая пламенем.

Босс. Вперед, атакуйте его!

Громкий взрыв. Вдали падает еще один горящий аэроплан.

Роксана. Бедняга, в него попали!

Босс. Они оба снижаются.
Труссы!

Роксана. Но они не могут выпустить газ, как могут они прибегнуть к газам? Ведь у нас есть заложники!

Босс оборачивается и смотрит на заложников: — А! Заложники! Я еще не сдался. Выведите их, вот сюда! Свяжите их! Выведите их на открытое место, где их будет видно!

Стражи выводят Мэри и Хардинга наружу и привязывают к двум столбам. Крупным планом показано, как Мэри и Хардинга привязывают к столбам. Они, не дрогнув, смотрят друг на друга. Потом поднимают глаза к небу.

Босс направляется к ним, размахивая револьвером. Он кричит в небо:

— Снизайтесь, или я застрелю их! Вы хотите бомбить ваших собственных заложников? Снизайтесь, или я стреляю!

Он вспоминает о Кэбэле.

— Где тот, другой? Он главный заложник. Это лучше всего! Его они узнают! Ступайте, четверо, и приведите его...

Мягкий глухой удар, и на некотором расстоянии взрывается бомба. Звук не похож на разрыв обычной бомбы; скорее на звук, с которым вырывается облако пара.

Солдат (кричит). Это газ?

Босс машет револьвером в сторону Мэри и Хардинга:

— Вы-то, во всяком случае, умрете раньше меня!

Роксана стоит возле него. Взрывается еще одна бомба, поближе. Босс с выражением отчаянной решимости наводит револьвер на Хардинга, но Роксана ударяет по револьверу в момент, когда он разряжается.

Босс. Ты против меня?

Роксана. Разве ты не видишь? Он победил тебя. Смотри!

Видно, как вдали шатаются и падают солдаты.

На этот раз газ прозрачен, он напоминает колеблющееся знойное

марево. Передний план еще совершенно чист, но чуть подальше мерцание.

Роксана бросается к Мэри и прижимается к ней:

— Мэри, я никогда не делала вам зла! Я спасла вашего отца! Я спасла вас! Не можете ли вы крикнуть вашему мужу — остановить это?

Совсем близко — крещендо ухающих взрывов! Ух! Ух! Ух! Количество газа увеличивается, он подползает все ближе. Аппарат сосредоточивается на лице Босса.

Босс с изумлением видит, как его люди постепенно поддаются действию газа. Он вздрагивает и

подбирается.

Босс. Расстреляйте их всех, что вы все делаете, почему вы не шевелитесь? Я не потерплю этого. Что случилось? Все плывет перед глазами! Все поплыло...

Он проводит рукой по глазам, словно не в состоянии больше видеть или думать отчетливо. Отирает рот и трет глаза. Лицо его вдруг искажается в последнем отчаянном усилии противостоять действию газа.

Теперь газ мерцает по всему экрану. Мерцание становится настолько сильным, что лицо Босса виднеется как сквозь волнующуюся воду.

Босс. Стреляйте, говорю я вам! Стреляйте! Стреляйте! Мы еще мало расстреливали! Мы щадили их. О, эти интеллигенты! Эти изобретатели! Эти эксперты! Теперь они добрались до нас! Мир будет принадлежать либо нам, либо им. Что они значили, когда их было несколько сотен? Мы проявили слабость, слабость. Истребляйте их, как паразитов! Перебейте их всех!.. Почему я должен терпеть поражение? Слабость! Слабость! Слабость — роковая ошибка... Стреляйте!

Мерцание превращается в вихрь концентрических кругов.

В этом вихре появляется темная

фигура Кэбэла. Он опять в своем огромном противогазе и не обнаруживает никаких признаков обморока.

Кэбэл. Ваши часовые, кажется, заснули. Я и вышел... Весь город засыпает... Вы вынудили нас прибегнуть к этому.

Картина внезапно проясняется. Босс в этот момент летит наземь. Он теряет сознание, и дальнейшее зритель видит уже не его глазами. Он падает как раз в то мгновение, когда прекращается газовый вихрь. Теперь высокая черная фигура Кэбэла стоит на переднем плане.

Все остальные без чувств лежат перед ним...

Кэбэл. А теперь — к Миру
Летчиков и новой жизни
человечества!

Аппарат поворачивается так, что
видна только одна сторона головы и
одна рука Кэбэла. Полностью его
фигура на экран не попадает. Виден
только профиль его противогаза,
черная рука и плечо.

Мэри в сидячем положении у
столба, к которому ее привязали;
Роксана грациозно прикорнула у ее
ног. Босс лежит ничком на переднем
плане, вытянув вперед руку, сжатую в
кулак. Хардинг свисает со своего
столба. Несколько поодаль, на куче
мусора, лежит Бэртон, а дальше —
солдаты и слуги.

Кэбэл приближается к этой группе.

— Вам неудобно, Хардинг, — говорит он и распускает веревки, приводя бесчувственное тело Хардинга в сидячее положение. — Вот так!

Потом он поворачивается к обеим женщинам:

— Ну, мои милые, вам придется поспать немного! Ничего не поделаешь!

Он стоит и смотрит на них. Спокойные лица обеих женщин крупным планом. На лице Мэри выражение полного мира. Роксана даже в бесчувственном состоянии пытается быть пленительной.

Слышится голос Кэбэла.

Кэбэл. Мэри и мадам Роксана! Любопытный контраст. Мадам Роксана. Прелестное, весьма прелестное существо, но как быть с этим весьма прелестным существом? Вечная авантюристка. Обыкновенная хорошенькая, ничем не занятая женщина. Дама! Смела. Пленительна. Ума достаточно для бесконечных интриг. И своеобразная энергия. До конца дней своих она будет делать глазки мужчинам. Теперь, когда боссы разделили участь богачей, настал, вероятно, наш черед. Она пойдет за теми, у кого в руках сила. И, позвольте признаться вам, моя милая, теперь,

когда вы меня не слышите и не можете меня перехитрить, что, принимая во внимание мое высокое назначение и почтенный возраст, я нахожу вас гораздо более интересной и волнующей, чем следовало бы. Мужчины, как вы сказали, остаются мужчинами до конца дней своих. Вы добираетесь до нас! Жаль, что мы не можем постоянно держать вас под действием газа. В пользу гаремных порядков можно было бы многое сказать. Неужели вы должны продолжать ваши штуки и в нашем новом мире?

Аппарат отдаляется, так что теперь он охватывает все усыпленные тела.

Кэбэл. Новый мир со старым мусором! Наша работа только начинается.

Над Эвритауном занимается заря. Предрассветное небо. Перспектива переулка. Повсюду лежат фигуры спящих. Гордон и группа его спутников, несколько летчиков и две молодые женщины, все в черных кожанках, ходят среди развалин. Они уже без противогазов. Один из них мимоходом срывает флаг-розетку.

Первый молодой летчик. Они проспят еще сутки.

Второй летчик. Что ж, мы им дали наконец понюхать цивилизации!

Первый летчик. Когда дети капризничают, нет ничего лучше, как уложить их спать!

На окраине города по склону горы, на знакомом уже нам горизонте, спускаются удивленные крестьяне в грубом холщовом платье и деревянных башмаках.

Люди приходят на Площадь, усеянную спящими. Некоторые из спящих начинают шевелиться. Через сцену движется группа новых летчиков в черных костюмах, но без масок и шлемов.

Народ таращится на летчиков, силуэты лохматых, нечесаных затылков даны очень крупно на переднем плане.

Упадочное варварство
наблюдает возвращение
цивилизации!

Опять конференц-зал у
аэродрома в Басре. Теперь за окном
оживленная деятельность. Носятся
огромные грузовики. Люди бегают
взад и вперед. Аэропланы нового
типа по семи сразу, эскадрилья за
эскадрильей, поднимаются в воздух.

Стол теперь завален картами, и
секретари стоят наготове, чтобы дать
требуемое разъяснение. Костюмы
строгие, слегка «футуристские», все
больше костюмы летчиков или
бортмехаников.

Совет заседает в том же составе,
но рядом с председателем высится

теперь фигура Кэбэла.

Кэбэл, склонившись над картой: — Вот как я представляю себе план операций. Осесть, организовать, наступать. Эта зона, потом та. Наконец, крылья над всем миром, и новый мир начинает свое существование. Мы будем вытеснять бандитов все больше и больше.

Война Летчиков. Множество аэропланов странных и невиданных форм поднимается в воздух. Они закрывают небо. Короткий воздушный бой между тремя нормальными боевыми самолетами старого типа и одним из новых самолетов.

По разоренной местности

убегают бандиты со знаменами и в старой военной форме, а носящиеся над ними новые самолеты бомбят их. Бомбы разрываются, газ обволакивает бандитов.

Новые самолеты пишут на небе: «Сдавайтесь!»

Бандиты выползают из своих укрытий и сдаются, поднимая руки вверх. В другом городе бандиты выбегают из домов, когда самолеты приближаются. Они сдаются.

Небо усеяно новыми самолетами. Сотни людей спускаются на землю с парашютами. Бандиты стоят и ждут.

Шагает шеренга пленных. Они несут с собой полковые знамена. Это

последние оборванные остатки
регулярных армий старого строя. Это
конец организованной войны. Группа
новых летчиков наблюдает их парад.
В небе реют новые самолеты.

10. Реконструкция

Назначение этой части — показать как можно короче и энергичнее переход от 1970 к 2054 году. Век колоссальной механической и индустриальной энергии должен быть отображен немногими моментами на экране и в музыке. Музыка должна начинаться чудовищным шумом и звоном и мало-помалу, по мере того как спокойная эффективность побеждает лихорадочное напряжение, переходить на все более плавные ритмы. Кадры быстро сменяются один другим, и перерывы между

ними заполнены загадочными и диковинными механическими движениями. Маленькие фигурки людей движутся между чудовищными механизмами и становятся все более карликовыми по мере усиления механической энергии.

Взрыв заполняет экран. Когда дым рассеивается, мы видим работу инженера этого нового века. Сначала идет грандиозная уборка старого материала и подготовка к новому строительству. Работают исполинские краны. Старые, разбитые стальные конструкции сносятся прочь. Даются кадры уборки старых зданий и развалин.

Затем следуют кадры, показывающие эксперименты, проектирование и создание новых материалов. Показана огромная силовая станция и детали машин. Видны экскаваторы, роющие колоссальный котлован. Транспортеры уносят прочь мусор. Выемке грунта придается особенное значение, ибо Эвритаун 2054 года будет высечен в горе. Он не будет городом небоскребов.

Химический завод. Темная жидкость пузырится в исполинских ретортах, работа идет быстро и гладко. Рабочие в масках движутся по всем направлениям. Жидкость выливается в формовочную машину,

выделывающую стены для новых зданий.

Строятся металлические каркасы нового города, и огромные плиты из формовочной машины укладываются на свои места, образуя стены. Начинают проступать линии нового подземного города — Эвритауна, смелые, колоссальные.

Кипящие речные пороги сменяются укрощенным глубоким потоком — символ материальной цивилизации, подчиняющей себе природу.

Эта часть заключается фантастической симфонией могучих вращающихся и качающихся контуров в широком потоке музыки.

На экране дата: 2054 год.

Громкий ворчливый голос прорывается сквозь заключительную фазу этой музыки «Перехода»: «Не нравятся мне эти машинные триумфы!»

Это голос Теотокопулоса, мятежного художника новой эры. На экране очень крупным планом появляется его лицо. Он говорит энергично и с горечью: — Не нравятся мне эти машины! Не нравятся мне они, все эти вертящиеся колеса! Все идет так быстро и гладко. Нет!

Аппарат отступает от него, и теперь видна вся его фигура, он сидит у подножия огромной глыбы

мрамора. На нем белый комбинезон скульптора, он держит резец и деревянный молоток.

В кадр входит другой скульптор, бородатый мужчина: — Ну, что мы можем тут сделать?

Теотокопулос, словно раскрывая мрачную тайну, произносит:

— Говорить!

Бородач пожимает плечами и делает смешную гримасу, словно обращаясь к третьему собеседнику, присутствующему в зале.

Теотокопулоса взорвало:

— Говорить! Радио имеется повсюду. Этот современный мир полон голосов. Я заговорю всю эту механизацию!

Бородач. Да позволят ли еще вам?

Теотокопулос (властно).
Позволят. Я назову свои беседы «Искусство и жизнь». Это звучит довольно безобидно. И я ополчусь на этот их Прекрасный Новый Мир, и тогда держитесь!

Снова на экране дата: 2054.

11. Маленькая девочка узнает о новом мире

Большое помещение, нельзя сказать, что комната, — нечто среднее между оранжереей и большой гостиной. Ни колонн, ни прямых углов. Над головой мягкие линии круглого свода. Прекрасные растения и фонтан в бассейне. Сквозь растения виднеются Городские Дороги. Старик лет ста десяти от роду, но красивый и хорошо сохранившийся, сидит в кресле. Хорошенькая девочка (лет

восьми или девяти) лежит на кушетке и смотрит на какой-то аппарат, на котором появляются картины. Он управляется простой ручкой. Какое-то причудливое животное — может быть, обезьяна капуцин — играет мячом на ковре. На стуле валяется кукла в утрированном костюме той эпохи.

Девочка. Я люблю эти уроки истории.

Аппарат показывает Нижний Нью-Йорк сверху — лекция с видами, снятыми с самолета.

Девочка. Какой смешной был Нью-Йорк — весь торчком и весь в окнах!

Старик. В старину так и

строили дома.

Девочка. Почему?

Старик. У них не было внутреннего освещения городов, как у нас. Вот им и приходилось поднимать свои дома к дневному свету — если такой бывал. У них не было хорошо смешанного и кондиционированного воздуха!

Он поворачивает ручку и показывает аналогичный вид Парижа или Берлина.

— Все жили наполовину на открытом воздухе. И везде были окна из гладкого, хрупкого стекла. Эпоха окон тянулась четыре столетия!

Аппарат показывает ряды окон — разбитых, треснувших,

заплатанных и т. п. Коротенькая фантазия на тему об окнах.

Старик. Им как будто и в голову не приходило, что внутренность домов можно освещать нашим собственным солнечным светом, не имея надобности поднимать дома в воздух так высоко.

Девочка. Как же люди не уставали ходить вверх и вниз по этим лестницам?

Старик. Они уставали и болели так называемыми простудами. Все простужались, кашляли и чихали, и глаза у них слезились.

Девочка. Что это значит — чихать?

Старик. Ну, ты знаешь. Апчхи!

Маленькая девочка
приподнимается в восторге.

Девочка. Апчхи! Все говорили апчхи! Вот было забавно!

Старик. Не так забавно, как ты думаешь.

Девочка. И ты все это помнишь, прадедушка?

Старик. Кое-что помню. Мы болели насморками и несварением желудка тоже — от глупой и плохой еды. Жизнь была убогая. Никто никогда не был по-настоящему здоров.

Девочка. Что ж, люди смеялись над этим?

Старик. По-своему смеялись. Они это называли юмором. Нам

требовалось очень много юмора. Я пережил страшные времена, дорогая моя. О, какие страшные!

Девочка. Ужас! Я не хочу ни видеть, ни слышать этого. Войны. Бродячая болезнь и все эти страшные годы. Это никогда больше не вернется, прадедущка? Никогда?

Старик. Не вернется, если прогресс не замрет.

Девочка. Теперь выдумывают все новые вещи, да? И делают жизнь все лучше и лучше?

Старик. Да... Более приятной и смелой... Я, пожалуй, старик, дорогая моя, но кое-что мне представляется уж чересчур смелым. Это Межпланетное оружие, из

которого они все стреляют да стреляют.

Девочка. А что это такое — Межпланетное оружие, прадедушка?

Старик. Это пушка, которую разряжают при помощи электричества, множество пушек одна в другой, и каждая выстреливает следующую. Я не совсем хорошо разбираюсь в этом. Но цилиндр, который выстреливается напоследок, летит так быстро, что — фюить! — отрывается прочь от земли.

Девочка (упоенно). Как! Прямо в небо? К звездам?

Старик. Может быть, они со временем доберутся и до звезд, но теперь они стреляют в луну.

Девочка. Значит, они стреляют цилиндрами в луну? Бедная луна!

Старик. Не совсем в нее. Они выстреливают цилиндр так, что он облетает вокруг луны и возвращается обратно; а в Тихом океане есть безопасное местечко, где он падает. Они стреляют все точнее и точнее. Они говорят, что могут указать место его падения с ошибкой не больше чем в двадцать миль и на том участке моря все приготовлено для него. Понимаешь?

Девочка. Но ведь это замечательно! А люди могут полететь в цилиндре? Смогу я полететь, когда вырасту? И увидеть другую сторону луны! И упасть

обратно в море — плюх?!

Старик. О, людей они еще не посылали. Из-за этого и шумит Теотокопулос.

Девочка. Тео-котто...

Старик. Теотокопулос.

Девочка. Какое смешное имя!

Старик. Это греческое имя. Он потомок великого художника, которого звали Эль Греко. Теотокопулос — вот так.

Девочка. И ты говоришь, он недоволен?

Старик. О, это ничего!

Девочка. А не больно будет летать на луну?

Старик. Мы не знаем. Одни говорят: да, другие — нет. Они уже

посылали мышей в круговой полет.

Девочка. Мышей в полет вокруг луны?

Старик. Они разбиваются, эти бедные зверьки! Они не знают, как держаться, когда начинаются толчки. Вероятно, этим и вызваны разговоры о том, чтобы послать человека. Он-то сумеет держаться...

Девочка. Он должен быть очень храбрый, правда?.. Вот бы мне полететь вокруг луны!

Старик. Всему свое время, дитя мое. Не заняться ли тебе опять историей?

Девочка. Я рада, что не жила в старом мире. Я знаю, что Джон Кэбэл и его летчики почистили его

хорошенько. А ты видел Джона Кэбэла, прадедушка?

Старик. Ты можешь увидеть его на своих картинках, дорогая.

Девочка. Но ведь ты видел его, когда он был жив, ты взаправду видел его?

Старик. Да. Я видел великого Джона Кэбэла своими глазами, когда был маленьким мальчиком. Худощавый смуглый старик с такими же белыми волосами, как у меня.

На экране на мгновение появляется Джон Кэбэл, каким мы его видели на совете в Басре.

Старик (добавляет). Он был дедушкой нашего Освальда Кэбэла, президента нашего Совета.

Девочка. Так же, как ты мой прадедушка?

Старик гладит девочку по голове.

На эту сцену наплывает следующий кадр, показывающий руку на столе. На руке легкая рукавица, а на рукавице нечто вроде диска — круглого жетона, на котором читаем: «Освальд Кэбэл, Председатель Совета Руководства».

Такие диски на запястьях или выше локтя являются обычной принадлежностью костюмов этой эпохи.

12. Новое поколение

Эта рука задерживается с минуту на экране. Пальцы ее барабанят по столу, напоминая манеру Джона Кэбэла в первой части фильма. Это наследственная привычка. Затем аппарат отступает, и мы видим Освальда Кэбэла в его кабинете в Управлении города Эвритауна.

Комната такого же стиля и архитектуры, как в предыдущей сцене. Нет ни окон, ни углов, но по какому-то одушевленному фризу, по полосе стены над головой Кэбэла, проносятся призрачные облака и

волны, колеблющиеся деревья, гроздья цветов и т. п. Непрерывная беззвучная смена декоративных эффектов. На письменном столе перед Кэбэлом большой диск телевизора, телефон и Другие аппараты.

Освальд Кэбэл — более спокойное и более молоджавое издание своего предка. Он темноволос, и волосы его, как у всех в новом мире, изящно причесаны. Костюм его сделан из белого шелкового материала с чуть заметной и простой вышивкой. Изящество и белизна его, и в особенности ширина в плечах, резко контрастируют с плотно облегавшим Джона Кэбэла

костюмом летчика.

Кэбэл (говорит, обращаясь к невидимому собеседнику). Стало быть. Межпланетное оружие прошло все предварительные испытания, и теперь остается лишь отобрать желающих лететь!

Аппарат отступает, и мы видим, что Кэбэл не один. Он совещается с двумя инженерами. На них темные и простые костюмы, широкие в плечах, по моде того времени, — не кожаные рабочие костюмы и не что-нибудь другое в этом роде. В век технического совершенства нет надобности в комбинезонах и в платье, не пропускающем жира. Один сидит на стуле новейшей

формы. (Вся мебель металлическая.) Другой непринужденно опирается на стол.

Первый инженер. Тут-то и начнутся неприятности!

Второй инженер. Обращаются тысячи молодых людей — юношей и девушек. Я и не представлял себе, что луна так заманчива!

Первый инженер. В сущности, орудие уже готово. Есть риск, но в пределах допустимого. И положение луны в ближайшие три-четыре месяца гарантирует наилучшие условия для полета. Теперь надо только выбрать двоих.

Кэбэл. Ну?

Второй инженер. Будут

затруднения. Этот Теотокопулос трезвонит об этом по радио.

Кэбэл. Он фантастический субъект.

Второй инженер. Да, но он будоражит публику. Нелегко будет отобрать этих молодых людей.

Первый инженер. Мы просмотрели тысячи предложений. Мы отвергли всех, кто не абсолютно здоров. И всех, у кого есть друзья, противящиеся полету. И теперь, сэр... Мы хотели бы, чтобы вы переговорили с двумя. Один — Раймонд Пасуорти с Генеральных заводов. Вы его знаете?

Кэбэл. Очень хорошо знаю. Его прадедушка знал моего.

Первый инженер. И его сын...

Второй инженер. Мы хотим, чтобы вы повидали его сына, сэр, — Мориса Пасуорти.

Кэбэл. Зачем?

Первый инженер. Он желает лететь.

Кэбэл. С кем?

Второй инженер. Мы думаем, что лучше всего было бы вам повидать его. Он здесь дожидается.

Кэбэл задумывается, затем приподнимает свою рукавицу и прикасается к одной точке ее. Раздается слабый музыкальный звук. Он говорит:

— Морис Пасуорти здесь?..
Да... Пришлите его ко мне.

Почти тотчас же в стене открывается филенка, и входит стройный, довольно легко одетый красивый молодой человек.

Кэбэл (встает и смотрит на него). Вы хотите поговорить со мной?

Оба инженера откланиваются и уходят.

Морис Пасуорти. Простите, сэр. Я пошел прямо к вам.

Кэбэл. Вы просите об одолжении?

Морис Пасуорти. Об очень большом одолжении. Я хочу быть одним из двух первых людей, которые увидят другую сторону луны.

Кэбэл. Это сопряжено с опасностью. Во всяком случае, с большими трудностями. Говорят, пятьдесят шансов из ста, что можно совсем не вернуться. И еще больше шансов вернуться калекой.

Морис Пасуорти. Поверьте, что я не боюсь этого, сэр.

Кэбэл. Очень многие молодые люди не боятся этого. Но почему вам нужно дать эту привилегию?

Морис Пасуорти. Понимаете, сэр, я сын вашего друга. Как будто считают... что вам не следует посылать двух незнакомых людей... — Он не доканчивает фразы.

Кэбэл. Продолжайте.

Морис Пасуорти. Мы много раз говорили об этом.

Кэбэл. Мы?

Морис Пасуорти. Вы пользуетесь таким влиянием в Новом Море, в Великом Море наших дней!

Кэбэл опирается на стол и задумывается. Он бросает на молодого человека проницательный взгляд. — Мы? — повторяет он.

Морис Пасуорти. Мы, двое. Это даже в большей степени ее идея, чем моя.

Кэбэл уже понял, что он сейчас услышит.

— Ее идея? Кто это она?

Морис Пасуорти. Человек, гораздо более близкий вам, чем я,

сэр.

Кэбэл (спокойно). Говорите.

Морис Пасуорти. Мы уже три года вместе учимся, сэр.

Кэбэл (нетерпеливо). Да, но говорите.

Морис Пасуорти. Это ваша дочь, сэр, Кэтрин. Она говорит, что вы можете послать только свое собственное дитя.

Кэбэл (после паузы). Мне бы надо было это знать.

Морис Пасуорти. Видите ли, сэр...

Кэбэл. Вижу. Моя дочь... Забавно, что я всегда представлял ее себе только маленькой девочкой. И считал, что она в стороне от всего

этого... Моя Кэтрин!

Морис Пасуорти. Ей
восемнадцать лет.

Кэбэл. Зрелый возраст... Я
немножко... захвачен врасплох. И вы
вдвоем все это обдумали?

Морис Пасуорти. Это так
просто, сэр!

Кэбэл. Да, это просто. Это
правильно. Так и должно быть.
Именно так! Всем этим прочим
тысячам придется подождать своей
очереди... Присядьте. Расскажите
мне: как вы познакомились с моей
Кэтрин?

Морис Пасуорти. Как только
начали работать вместе. Это
казалось таким естественным, сэр.

Она такая прямая и бесхитростная...

Кэбэл и Морис Пасуорти вступают в беседу, и картина бледнеет. Кэбэл еще не освоился с тем, что услышал.

Кэбэл крупным планом. Прошло полчаса. Он уже не в своем кабинете. Он стоит в темной нише у изящно разрисованной узорами стены. Слышится негромкий чистый звук, и он смотрит на телефонный диск, у себя на рукавице.

— Да... Кто это?.. Раймонд Пасуорти... Конечно...

Он ждет полсекунды.

— Это Раймонд Пасуорти? Да. Я в течение получаса беседовал с вашим сыном. Да. Прекрасный

юноша... Вы хотите переговорить со мной?... К вашим услугам... Я повидаю свою дочь в Спортивном клубе. Он должен с ней там встретиться. Он сейчас только пошел к ней. Не пройдетесь ли вы со мной по Городским Дорогам и в погоду?... Мы встретимся...

Сцена меняется — показана одна из воздушных Городских Дорог в ярко освещенном пещерном Эвритауне 2055 года.

Здесь мы впервые видим вблизи рядовых людей 2055 года, их костюмы, их манеры. Оборванных нет, и только один человек в чем-то вроде рабочего костюма. Это садовник, он поливает какие-то

цветы. Общим характером костюмы напоминают эпоху Тюдоров, широко варьируя между простотой и нарядностью (см. Меморандум в начале книги). Некоторые молодые женщины одеты очень легко и просто, но другие более сознательно «костюмированы». Вид-на также очень смелая и пышная архитектура этого полуподземного города, способы использования текучей воды, новые декоративные растения и кусты в цветах. В постоянном ярком свете и кондиционированном воздухе нового Эвритауна и в руках искусных садоводов растительность обрела новую мощь и прелесть. Проходят люди. Они собираются

кучками и созерцают огромные просторы внизу.

По переднему плану этой сцены проходят Кэбэл и Пасуорти. Пасуорти — более изящное, складное, худощавое, нарядное и опрятное издание своего предка — Пасуорти первых сцен. Разговаривая с Кэбэлом, он делает несколько шагов на фоне движущейся панорамы города, затем оба останавливаются, опираются на парапет, за которым раскинулся город, и вступают в серьезный разговор.

Пасуорти. Я признаю реальность прогресса, достигнутого миром после того, как им стали управлять Летчики. Это был век

чудес. Но не слишком ли у нас много прогресса? Я согласен, что мир, в котором мы живем, прекрасный мир. Немножко искусственный, но — наконец-то! — превосходный. Торжество человеческой изобретательности и человеческой воли! Комфорт, красота, обеспеченность! Наш свет ярче солнечного, и никогда еще человечество не дышало таким дивным воздухом. Мы перехитрили природу. Зачем же нам так настойчиво стремиться дальше?

Кэбэл. Потому что стремление вперед — в природе человека. Самое неестественное в жизни — это удовлетворенность.

Пасуорти. Удовлетворенность!

Удовлетворенность — это рай!

Кэбэл. А мы не в раю.

Пасуорти. Да. В самом деле. Раз сыновья восстают на своих отцов...

Кэбэл. А отцы слушаются своих дочерей. Мы оба отцы мятежных детей, а? Старая проблема, Пасуорти! Дитя, которое не бунтует, — пустое повторение. Что нам делать с нашими сыновьями и дочерьми? Отцы, вроде нас с вами, задавали себе этот вопрос еще в каменном веке.

Пасуорти. Но швырять их на луну!..

Кэбэл. Они сами туда хотят прыгнуть.

Пасуорти. Отчаянная молодежь!
Зачем им это?

Кэбэл. Человечество — тугой материал. Если бы не молодые с их дерзостью, оно не далеко бы ушло.

Пасуорти. Каждый, пускающийся в такую экспедицию, должен погибнуть. Вы это знаете. Исчезнуть навсегда в этом замерзшем мире.

Кэбэл. Они летят не на луну; они летят вокруг луны.

Пасуорти. Это софистика.

Кэбэл. Они возвратятся.

Пасуорти. Если бы я мог в это поверить!

Кэбэл. Для нас обоих самое лучшее — верить в это.

Пасуорти. Почему нужно было выбрать для этого именно наших детей?

Кэбэл. Наука требует лучших.

Пасуорти. Но мой мальчик! Всегда он был своевольным чертенком. Вас я еще понимаю, Кэбэл. Вы правнук Джона Кэбэла, воздушного героя, который изменил лик мира. Эксперименты у вас в крови. Вы — и ваша дочь!.. Я... я нормальнее. Я не верю, чтобы мой мальчик когда-нибудь сам додумался до этого. Но они сговорились. Они хотят лететь вместе.

Кэбэл. Они вернутся вместе. В этот раз не будет сделано попытки высадиться на луне.

Пасуорти. И когда же этот... этот великий эксперимент начнется? Сколько они еще пробудут с нами?

Кэбэл (не совсем искренно). Не знаю.

Пасуорти. Когда же?

Кэбэл. Когда Межпланетное орудие будет опять готово.

Пасуорти. Вы хотите сказать, что в этом году?

Кэбэл. Скоро.

Пасуорти. В старину бывало иначе. В ту пору отцы имели власть. Я бы сказал «нет», и это решило бы дело!

Кэбэл. Отцы говорили «нет» начиная с каменного века.

Пасуорти. И ничем нельзя

спасти наших детей от этого безумия?

Кэбэл. А значило ли бы это спасти наших детей?

Пасуорти. Да, значило бы.

Кэбэл. Для чего?

Пасуорти (его прорвало). Дети рождаются для счастья! Молодые люди должны легко принимать жизнь! Есть что-то отвратительное в этом заклании — именно заклании! Вы вспомните, сколько им лет!

Кэбэл. Неужели вы думаете, что у меня не такие же чувства, как у вас? Что я не люблю свою дочь?.. Сегодня урываю час только для того, чтобы повидать ее, посмотреть на нее, пока можно. И тем не менее я

позволю ей лететь... когда настанет время.

Пасуорти. Где они сейчас?

Кэбэл. Она в Спортивном клубе в горах: тренируется. Ваш сын тоже там. Пойдемте со мной, и вы увидите их. Лицом к лицу с ними мы, может быть, почувствуем себя иначе, чем здесь. Во всяком случае, хорошо бы побыть с ними немного... На воздухе отлично. Хотите... вы не возражаете против того, чтобы вместе со мною выйти в погоду?

Пасуорти. Возражать? Я создан для открытого воздуха! Может быть, этот кондиционированный воздух с добавочным кислородом и прочим полезнее для нас, и свет здесь более

постоянный и яркий — но мне дайте старинное небо, и ветер в степи, и снег, и дождь, быстрые перемены погоды, и сумерки! Я не люблю по-настоящему этот человеческий муравейник, в котором мы живем!

Кэбэл. Мы пойдем, поговорим с молодыми людьми.

Следующая сцена введена главным образом для того, чтобы дать внешний вид нового Эвритауна. На заднем плане старые, знакомые контуры холмов, и их легко узнать, но старый город под открытым небом исчез, уступив место нескольким террасам и наземным строениям. Перед нами непривычные архитектурные формы, травянистые

скаты и чрезмерно правильные деревья. Все очень спокойно и красиво, это апофеоз Эвритауна. По небу летит несколько самолетов новой конструкции. Кэбэл и Пасуорти переоделись в более подходящие для открытого воздуха костюмы из ткани типа сукна; они в плащах-крылатках. Небо покрыто тучами, то и дело начинается дождь, и в отличие от ровной атмосферы города солнечный свет пятнами пробегает по экрану. По широкому шоссе льется почти бесшумный поток обтекаемых автомобилей, появляющихся и скрывающихся в огромном входе, освещенном неизмеримо ярче, чем внешний мир.

Пасуорти (симулируя беззаботность). Вот мы и в погоде. Вернулись к природе. Ну, не лучше ли вам здесь?

Кэбэл. Если бы мне было здесь лучше, я поднял бы шум в нашем департаменте вентиляции! Но готов признаться, что время от времени я люблю переменчивость ветра и игру облаков.

Пасуорти. Каких только перемен не насмотрелись эти холмы за последние два столетия! Процветание. Война. Нужда. Эпидемия. Этот Новый Изумительный Мир. Вы только взгляните на него!

Кэбэл. И перемены, которые

они видели, — пустяк по сравнению с теми, которые им еще предстоит увидеть.

Пасуорти. Эти древние холмы. Единственное, что узнали бы наши прадеды. Наверно, и они, в свой черед, будут сметены прочь.

Кэбэл. Все сметается прочь в свое время! За это браните природу, а не человека.

Пасуорти. Вон люди, живущие под открытым небом, играют в старинную игру — в гольф. Хорошая игра. Я сам немножко увлекаюсь. А вы не играете?

Кэбэл. Нет. Зачем это мне?

Пасуорти. Когда играешь, можно не думать.

Кэбэл поднимает брови.

Пасуорти. Впрочем, сегодня и гольф не отвлек бы меня от моих дум. О! Я не могу забыть об этом! Наши дети! У меня сердце болит. Я это чувствую вот здесь... Мне неуютно в этом современном мире со всем его прогрессом! Я полагаю, что наш город чудесен и нужен, а деревня нарядней и милее, если хотите, чем в дни конкуренции и раздоров. На всем земном шаре не осталось, вероятно, ни одного куста терновника, ни одного болота, ни одной чащи. Так почему бы нам не остановиться на этом? Зачем нам идти вперед — и притом энергичнее, чем когда бы то ни было?

Кэбэл. Вы хотели бы навсегда прекратить всякое мышление и труд?

Пасуорти. Ну, не совсем так.

Кэбэл. Чего же вы хотите в таком случае? Немножко мышления, но не более того? Немножко работы, но не серьезной?

Пасуорти. Ну, умеренности. Идите вперед, если хотите, но полегоньку.

Кэбэл. Вы думаете, что я погоняю? Что люди моего склада погоняют?

Пасуорти. Если вам непременно надо знать правду, так да: вы погоняете, чертовски погоняете.

Кэбэл. Нет. Погоняет Природа. Она подгоняет и убивает. Она мать

человеку и вместе с тем его неукротимый враг. Всех своих детей она рождает в борьбе и злобе. Прикрываясь пеленой изобилия и обеспеченности, она все еще строит козни. Сто лет тому назад она всячески старалась при помощи того, что находила в нас, направлять наши руки и сердца против ближнего и заставляла нас истреблять друг друга в войнах. Это она дополнила войну своим собственным посильным вкладом — эпидемией. Ну, мы выиграли это сражение. Люди уже забывают, с каким трудом далась победа. Теперь она хочет обратить против нас самые наши успехи, склонить нас к беспечности, сделать

нас фантазерами, бездельниками и сибаритами — предать нас на другой манер. Сто лет тому назад люди вроде вас говорили, что война — это «не существенно», людям моего склада пришлось положить ей конец. А теперь вы говорите, что прогресс — это «не существенно». Жизнь не может быть лучше, чем она есть. Пусть новое поколение играет — расходует жизнь, данную ему... Целая планета гуляк, мчащаяся к гибели. Просто заключительный фестиваль перед мрачной бездной!

Зал Спортивного клуба. Это застекленная галерея, наполовину под открытым небом, и огромные окна ее сделаны из эластичного

стекла. Снаружи видны крутые водяные горы, по которым спортсмены и спортсменки устремляются вниз с огромной скоростью. Не совсем ясно, что они делают. Кажется, будто они скользят на лыжах вниз по водопаду. Получается лишь смутное впечатление мелькающих людей, пенистой воды и каменного порога с водопадом. В галерее стоят несколько зрителей, молодые спортсмены и посетители приходят и уходят. Входят Кэбэл и Пасуорти. Они приближаются к одному из огромных окон. Там уже стоит какой-то зритель. Он взволнованно следит за тем, что делается снаружи. Он

прильнул к стеклу. Гибкое стекло поддается нажиму и дает искаженное изображение скалистого ландшафта. Когда зритель отдергивает руку, стекло выпрямляется.

Пасуорти. Здесь тоже каждый день кто-нибудь бывает убит или ранен. Зачем гибнуть кому бы то ни было?

Кэбэл. Все делается для того, чтобы вовремя устранить неловких.

Пасуорти. Господи боже! Посмотрите вон на этого юношу...

Несколько зрителей подбегают к окнам.

Кэбэл. Ничего с ним не случилось.

Пасуорти. А вот и они!

Он обращает внимание Кабала на входную дверь. В двери показываются Кэтрин Кэбэл и Морис Пасуорти, они приближаются к Кэбэлу и Пасуорти.

Оба теперь в спортивных костюмах, очень легких, обрисовывающих их стройные молодые тела. Кэтрин Кэбэл немного ниже и тоньше Мориса, у нее хорошенькое, но решительное личико. Они не без робости подходят поздороваться с родителями. Морис останавливается. Кэтрин подходит к своему отцу, на мгновение заглядывает ему в глаза и, видимо, удовлетворенная тем, что она прочла в них, целует его. Он прижимает ее к

себе и затем отпускает. Никто не проронил ни слова.

Пасуорти (стараясь легко смотреть на вещи). Ну, молодые люди, что вы делали?

Морис. Поупражнялись на стремнинах. Для другого времени не осталось.

Пасуорти. Сколько нынче убитых?

Морис. Ни одного. Один парень поскользнулся и сломал себе бедро, но о нем позаботились. Через недельку он будет здоров. Я чуть не налетел на него, когда он падал. А то и я бы растянулся!

Пасуорти. Неужели в жизни и без того недостаточно опасностей?

Морис. Дорогой мой отец, это нисколько не опасно для любого нормального существа. С той поры, как начался мир, жизнь всегда висит на волоске. Так уж оно устроено, и к этому все привыкли, и так оно обстоит и с нами.

Пасуорти. Это ваша философия, Кэбэл! Мой мальчик твердо заучил урок.

Кэбэл. Отнюдь не моя философия. Это философия нового мира.

Пауза.

Кэтрин не может дольше выносить состояние неизвестности:

— Папа, мы полетим?

Кэбэл. Да, вы полетите.

Кэтрин. Это объявлено?

Кэбэл. Да.

Пасуорти (в ужасе). Это объявлено?

Кэбэл. Отчего бы нет?

Пасуорти. Но... мой сын!..

Кэбэл. Он совершеннолетний. Он пошел добровольно.

Пасуорти. Но я хочу сперва поговорить об этом! Я хочу поговорить. Зачем вы объявили так поспешно? Во всяком случае, времени поговорить достаточно!

Пауза. Вопрошающие взгляды скользят по лицам. Кэтрин и Морис смотрят друг на друга, затем на родителей.

Морис. Времени не так уж

много, отец.

Кэтрин как будто хочет что-то сказать, но воздерживается.

Пасуорти. Я думаю, до этого остается еще несколько месяцев.

Кэтрин. Остался ровно один месяц и три дня. И сейчас уже все готово.

Морис. Мы могли бы полететь хоть сегодня. Луна уже почти дошла до самого удобного для нас положения. Но решили выждать еще месяц. Для большей верности.

Пасуорти. Вы летите через четыре недели! Четыре недели! Я запрещаю это!

Кэбэл. Я думал...

Морис. Нет, уже все условлено.

Пасуорти. Теотокопулос прав. Этому не бывать. Это — сущее жертвоприношение. Морис, сын мой!

Кэбэл берет его под руку.

Кэбэл. У нас впереди еще месяц, даже больше того! Поговорим спокойно, Пасуорти. Остался еще месяц. Это удар для вас. Это был удар и для меня. Но, может быть, это менее страшно и более грандиозно, чем вам кажется. Подумайте день-другой. Давайте пообедаем все вместе — через три дня встретимся и расскажем друг другу откровенно, что у каждого на уме!

Кэбэл (крупным планом с Пасуорти). Я не вернусь в город вместе с вами. Есть еще человек, с

которым я должен поговорить. Это необходимо.

Пасуорти. Никто в этом так жизненно не заинтересован, как мы с вами.

Кэбэл. Не знаю. У нее свои права. Многие скажут, что ее право так же несомненно, как наше.

Пасуорти. Кто же это?

Кэбэл. Мать Кэтрин. Женщина, которая была моей женою... Разве вы не знали, что у меня была жена? Или вы думаете, что Кэтрин вышла вдруг из моей головы? Как Афина Паллада? У меня была жена, и она была в высшей степени женщина, и мы разошлись много лет назад.

Начинает темнеть; на небе рдеет

послезакатное зарево. Терраса, обсаженная тиссами (новый вид тисса) и с видом на широкий ландшафт, вдали море. На фоне моря выступает огромное сооружение, похожее на тяжелую мортиру. Это межпланетное орудие. Это первый показ его. Оно чудовищем присело на земле, и все другие детали ландшафта кажутся перед ним крохотными. Легкая дымка тумана еще увеличивает его зловещие размеры.

Снижающийся самолет бросает тень на террасу.

Мельком показан Кэбэл, сходящий с самолета, на котором он прилетел сюда. Потом аппарат

возвращается к террасе и ждет его.

Кэбэл входит и медленно направляется к перилам террасы. Он задумчиво смотрит на Межпланетное орудие, заложив руки за спину. Так он стоит несколько мгновений.

Он оборачивается, услышав шаги; входит Роуэна. Роуэна — потомок Роксаны, фаворитки Босса Эвритауна в 1970 году, так же, как Освальд Кэбэл — потомок Джона Кэбэла. Она физически похожа на свой прототип — эту роль играет та же актриса; но в ней нет ни капли задорного нахрапа ее прабабки. Она лучше воспитана. Она одета гораздо изящнее, в ней нет дешевой

пышности Роксаны, жестикуляция ее скромна.

Роуэна. Итак, мне наконец позволено увидеть вас снова!

Кэбэл. Вы быстро узнали новость, Роуэна!

Роуэна. Она разнеслась по всему миру.

Кэбэл. Уже?

Роуэна. Она носится в воздухе. Весь мир ни о чем другом и не говорит. Зачем вы нанесли мне такой удар? Наша дочь!..

Кэбэл. Я не виноват. Она сама решила лететь. Чего вы от меня хотите?

Роуэна. Вы чудовище! Вы и вам подобные — чудовища! Ваша наука и

ваши новые порядки отняли у вас душу и на ее место поставили машины и теории. Хорошо, что я ушла от вас в свое время.

Кэбэл. И вы явились сюда — вы настаивали на свидании со мною только затем, чтобы сказать мне это теперь?

Роуэна. Не только это. Я запрещаю вам посылать нашу дочь в эту безумную экспедицию!

Кэбэл. Нашу дочь? Мою дочь! Вы оставили ее мне, когда ушли от меня. И она летит по своей воле.

Роуэна. Потому что вы отравили ее ум. Она, очевидно, из разряда новых женщин, как вы — из разряда новых мужчин. Вы думаете, я не

люблю ее только потому, что вы никогда не позволяете мне ее видеть?

Кэбэл. Обычно вы живете на другой стороне земного шара. Охота за любовью...

Роуэна. Вы меня упрекаете! И все же я люблю ее. Кто заставил меня охотиться за любовью?.. Кэбэл, неужели в вас нет жалости? Неужели у вас нет воображения? Если я не могу запретить, что ж, тогда я умоляю. Представьте только себе ее тело — тело почти что ребенка — изломанным, раздавленным, замерзшим!

Кэбэл. И не подумаю! Не всегда хорошо слишком много думать о теле, Роуэна.

Роуэна. Вы жестокий, страшный человек. Что вы делаете с жизнью, Кэбэл?

Кэбэл. Вы мягкий, чувственный человек. Что вы делаете с жизнью?

Роуэна. Вы превращаете ее в сталь!

Кэбэл. Вы растраниживаете ее.

Роуэна. Кто заставил меня ее растраниживать? Я уже много лет хочу встретиться с вами лицом к лицу и высказать вам это. Я не хотела уходить от вас. Но вы сделали жизнь слишком возвышенной и жесткой для меня!

Кэбэл. Я не хотел, чтобы вы ушли. Но вы сделали жизнь слишком рассеянной и неудобной для меня. Я

любил вас, но любить вас — значило отдавать этому все время. У меня был труд.

Роуэна. Какой труд?

Кэбэл. Вечный труд борьбы с опасностями, смертью и вырождением человечества!

Роуэна. Фанатик! Где теперь опасность и смерть?

Кэбэл. В засаде повсюду.

Роуэна. Вы сами идете им навстречу!

Кэбэл. Я предпочитаю роль охотника роли дичи.

Роуэна. Но, если вы все время будете охотиться за опасностью и смертью, что останется для жизни?

Кэбэл. Мужество, приключения,

труд — и все больше силы и величия.

Роуэна. По-моему, нужнее любовь.

Кэбэл. За этим вы и ушли от меня. Бедная охотница за любовью! Моя любовь была недостаточно хороша, недостаточно лестна, недостаточно прилежна. Нашли ли вы хоть раз эту любовь ваших грез? Был ли у вас хоть один любовник, заставивший вас чувствовать себя так дивно, как вам хотелось? И мог ли это сделать хоть один любовник? Где бы вам ни попадалась любовь, вы хватали ее, как ребенок срывает цветок, и убивали ее!

Роуэна. Разве не все себя так ведут?

Кэбэл. Нет.

Роуэна. Я любила, как свойственно моей натуре. Пусть даже мне предстоит в конце концов состариться и умереть.

Кэбэл. Так дайте же и мне жить согласно моей натуре! Вам, может быть, нужна любовь, а мне нужны звезды.

Роуэна. Но и любовь! Когда-то вам нужна была человеческая любовь, Кэбэл.

Кэбэл. Но мне больше нужна была моя работа.

Роуэна. Но разве наша девочка — не человек? Как я? Не имеет она разве права на свежесть жизни — на новизну жизни? Неужели ей надо

начать там, где вы кончите? Предположим, в конце концов придет конец и любви — она будет разоблачена... Почему бы ей не испытать нескольких лет иллюзий и волнения?

Кэбэл. И кончить ничем? Отстать по милости вашей «любви»? Краситься? Имитировать молодость? Цепляться за страсть?

Роуэна. О, вы умеете жалить! Неизвестно еще, в чем пустота. Подчиняться импульсам или отрицать их? Эта девушка, говорю я вам, человек и должна прожить по-человечески. Она женщина!

Кэбэл. Но не прежней породы, Роуэна! Не вашей породы. Не думаете

ли вы, что все в человеческой жизни меняется — масштабы, сила и скорость, а люди остаются такими, какими они были всегда? Мы живем теперь в новом мире. Он увлекает нас к новым великим задачам. А с этой невеселой старой любовной сказкой, которую так часто рассказывали и разыгрывали, словно это самое главное в жизни, почти совсем покончено.

Роузна. И вы думаете, что и она с ней покончила?

Кэбэл. Что вы знаете о нашей дочери? Что знаете вы, охотница за любовью, о творческом порыве, который может захватить женщину в такой же мере, как и мужчину? Она

любила и любит, она нашла себе товарища, и они стремятся вперед вдвоем. Плечом к плечу. Почти забывая друг о друге в своем счастливом единстве. Она живет для бесконечного дерзания, как и он. И это умножение человеческих знаний и силы — вовеки...

Роузна. Кэбэл, все мужчины — дураки, когда дело идет о женщинах. Все решительно. Вот ваша девочка. И ваше бесконечное дерзание! Вы думаете, что она новая женщина. Новых женщин не существует. Она улетаёт со своим возлюбленным. Ну, какая бы женщина не полетела — будь она старой породы или новой? Что может быть чудеснее!

Кэбэл. Так или иначе, она полетит!

Роуэна. Новый вид мужчины весьма напоминает мне старый вид осла. Но, скажите же, скажите мне, если мужчины посвятят себя этому вашему вечному дерзанию, что станется с женщинами?

Кэбэл. В такого рода дерзании пол ни при чем. Оно доступно вам так же, как и нам. Бросьте эту старинную половую романтику! Идите работать с нами.

Роуэна. Работать с вами?

Кэбэл. Почему же нет? У вас есть голова и руки.

Роуэна. Вы хотите сказать, милый мой, работать на вас! Вот в

вас и заговорил старой породы мужчина, предлагающий женщине быть его рабой. Когда дело касается женщин, чем этот новый вид мужчин отличается от старого?

Кэбэл. Почему на нас, а не вместе с нами?

Роуэна. Потому что у вас, мужчин, манера брать на себя руководство и все держать в своих руках.

Кэбэл. Отлично! Пусть будет на нас. И почему бы нет? Выбирать себе мужчину за то дело, которое он делает, и за его способности? Следовать за ним и быть его женщиной?

Роуэна. Нам, женщинам,

помогать, утешать и лелеять, играть роль подручных до бесконечности?

Кэбэл. Раз вы так созданы, а как будто именно так вы и созданы, почему бы и нет?

Роуэна. Мы вовсе не так созданы!

Кэбэл. Если вы не созданы для знаний и власти, как мужчины, если вы не созданы и для того, чтобы служить знанию и власти, так для чего же вы наконец созданы? Если вы больше, чем охотница за любовью, за чем же вы, по вашему мнению, охотитесь?

Роуэна. О, об этом мы спорили пятнадцать лет назад.

Кэбэл. Пятнадцать лет! Этот

спор начался еще до каменного века.

Роуэна. А окончится он... Когда он окончится?

Кэбэл. Для нас, Роуэна, никогда. Никогда еще для многих поколений. Вы идите своим путем, а я пойду своим.

Роуэна. И это ваше последнее слово мне, перед которой вы когда-то преклоняли колени?

Кэбэл охвачен воспоминаниями прошлого, забытые чувства нахлынули на него. Он поворачивается к ней. Кажется, что он не в силах выразить того, что переживает; и он ничего не говорит.

Постепенно бледнеет кадр. Мужчина и женщина стоят друг

против друга в сумеречной мгле; они утратили все иллюзии, которые когда-либо питали в отношении друг друга, и все же смущены.

Снова Кэбэл в своем ярко освещенном кабинете. На нем все еще плащ, который он надевал из-за плохой погоды; он садится у своего стола, вид у него усталый. Он поворачивается к аппарату, стоящему на столе.

— А теперь послушаем, что хочет сказать господин Теотокопулос по поводу всего этого. Время для него как раз подходящее!

Он нажимает кнопку.

— Я хочу видеть и слышать Теотокопулоса! Он теперь, наверное,

говорит повсюду в зеркалах.

Сцена меняется: огромное открытое пространство, на котором большая толпа собралась перед исполинским экраном на верху лестницы.

Теотокопулос в группе друзей. Он уже не в комбинезоне скульптора. Он одет в нарядный, расшитый, яркий атласный костюм, поверх него наброшен плащ, которым он драматически размахивает. Он поднимается сбоку огромного экрана, перед которым фигуры его и его друзей кажутся совсем крохотными. Они посматривают на толпу, и их голоса тонут в общем говоре. Они проходят за исполинское

зеркало, и в зеркале вдруг появляется Теотокопулос, сильно увеличенный, и голос его покрывает все другие звуки.

В толпе мелких фигурок возбужденное движение: он готовится заговорить.

Затем мы снова видим Кэбэла — он сидит в своем кабинете и приготовился слушать речь Теотокопулоса. В комнате царит тишина. Но вот слышится смутный шум, похожий на шум толпы, и диск телевизора затуманивается. Кэбэл регулирует аппарат, звук и картина становятся отчетливыми.

Диск телевизора подвигается вперед, так, что занимает почти весь

экран. Снизу он обрамлен головой и плечами Кэбэла.

«Что это за Прогресс? Что толку в этом Прогрессе? Вперед и вперед. Мы требуем остановки, мы требуем отдыха! Цель жизни — спокойное житье...»

Кэбэл. Можно подумать, что цель жизни — бесконечно повторяться.

«Мы не хотим, чтобы жизнь приносилась в жертву эксперименту. Прогресс не жизнь: он должен быть только подготовкой к жизни».

Кэбэл встает, отходит на несколько шагов от диска и возвращается на место.

«Будем справедливы к людям,

управляющим нами. Не будем неблагодарны. Они почистили мир. Они чудесно навели в нем чистоту. Достигнуты порядок и великолепие, знания растут. О боже, как растут!» (Смех.) Кэбэл (мрачно). Они, значит, смеются над этим.

«Но спешка и нажим продолжаются. Они для всех находят дело. Мы думали, что это будет Век Досуга. А что оказалось? Мы должны измерять и вычислять, мы должны собирать, сортировать и пересчитывать. Мы должны жертвовать собой. Мы должны жить для — как это называется? — для человеческого рода. Мы должны каждый день и весь день приносить

себя в жертву этому неустанному распространению знаний и порядка. Мы завоевываем весь мир — и какой ценой? Больших и все больших жертв. И в конце концов они ведут нас назад, к последней жертве — к принесению в жертву человеческой жизни. Они вновь инсценируют древнегреческую трагедию, и отец приносит свою дочь в жертву богам мрака».

Кэбэл нетерпеливым движением гасит телевизор.

— И этот голос раздается по всему миру. Любопытно, как мир поймет это!

Он озирается по сторонам.

— Можно бы прекратить это.

Нет. Пусть они выслушают его и поймут, как сумеют. Но хотел бы я сейчас находиться в каждой точке земли, слушать вместе с каждым слушателем. Как они его поймут?

13. Мировая аудитория

Дальше следует ряд сцен и мимолетных кадров, обрисовывающих огромный размах и одновременность мысли и споров в Новом Мире. Речь Теотокопулоса звучит почти без перерыва, если не считать случайных криков и возгласов, пока он наконец не умолкает. Он появляется в различных зеркалах и в различных обрамлениях, временами его слышно, но не видно. Но ясно показано, что один человек имеет возможность говорить всему миру, если только мир интересуется

им и хочет слушать, и что на его слова могут быстро и одновременно реагировать во всех частях земного шара, где найдутся слушатели.

Прежде всего мы видим спины множества людей, обедающих вместе. Это дает нам мимолетное представление о модах 2055 года и характере столовой посуды. Они поглядывают на огромную раму, в которой говорит Теотокопулос, — его видно и слышно. Слушают внимательно, но мало реагируют на его речь. Потом аппарат снимает край бассейна для плавания или край лужайки, на которой несколько молодых людей в спортивных костюмах аплодируют борцу, только

что положившему противника на обе лопатки. Встает какой-то мужчина, включает телевизор, и все слушают. Некоторые вполголоса обмениваются мнениями, которые явно разделились. Затем мы видим нескольких научных работников в какой-то лаборатории. В телевизоре Теотокопулос, он все говорит. Один из слушающих произносит раздраженно: «Ах, прекратите эту дребедень!» Теотокопулоса выключают. Затем восточная молодая женщина, с веером, лениво растянувшись на тахте под окном, за которым видны пальмы, степенно слушает овальный телевизор, на котором Теотокопулос продолжает

свою речь. Затем показан домик в горах, через застекленное окно видна сильная снежная метель. В домике двое рабочих в полярных костюмах; один лежит на койке, другой сидит у стола и слушает голос. Они выключают его: «Городским эта чушь, наверно, по вкусу. Что они знают о настоящем труде?»

Группа скульпторов в студии. Студия велика, но мало чем отличается от современной. В пластических искусствах больших перемен не произошло. На заднем плане телевизор. Один из скульпторов настраивает его, и опять виден и слышен Теотокопулос...

Первый скульптор. Слушайте!

Слушайте!

Второй. Нет! Нет! (Он выключает телевизор.) Человек имеет право поступать с собой, как ему угодно!

Первый. Никогда! Это Межпланетное орудие надо уничтожить. И немедленно.

Третий. Эту музыку надо прекратить! Смотрите!

Он поднимает модель.

Все. Лестно для Теотокопулоса.

Четвертый. А это?

Поднимает уродливую карикатуру на Кэбэла. (Смех).

Вот речь Теотокопулоса, которую по кускам слушают в предыдущих сценах:

«Эти люди, столь любезно управляющие за нас миром, заявляют, что они дают нам волю поступать, как нам угодно; они утверждают, когда нужно и когда не нужно, что никогда еще не было такой свободы, как у нас сейчас. И в уплату за безграничную свободу, которой мы пользуемся, они просят нас игнорировать жесткую и страшную настойчивость их бесчеловечных изысканий. Но в самом ли деле мы обладаем такой свободой? Разве свободен человек, который не вправе возмущаться тем, что он видит и слышит? Мы хотим права остановить все это. Мы хотим права предотвратить все это. Кто

позволил им использовать ресурсы нашего мира для того, чтобы терзать нас зрелищем своих жестоких и безумных авантур? Кто позволил им нарушать даже покой наших звездных высей человеческими жертвоприношениями? В старину, как всем нам известно, счастье людей омрачено было густой черной тенью, и тень эта называлась религией. Вы слышали об этом. Пуританство и умерщвление плоти, бритые головы и искалеченный дух. Заповеди „делай то-то, не делай того-то“ угнетали свободные сердца людей. Вы читали в истории об этой тирании духа. Эти старые религии с их жертвоприношениями и обетами

— с их ужасным безбрачием, мрачными песнопениями, преследованиями и инквизициями — были достаточно плохи. Мы думали, что навсегда освободились от религий. Но действительно ли они исчезли или только приняли новые названия и надели новые маски? Я говорю вам, что эти их изыскания и наука не больше, не меньше, как дух самозаклания, вернувшийся на землю в новом образе. Не больше и не меньше. Это старый черный дух человеческой подчиненности, Юпитер, безжалостное чудовище, вернувшееся теперь, когда у нас свобода и изобилие, — древняя мрачная серьезность — суровое,

ненужное служение. Что вернуло его? Зачем внушать молодежи чувство долга и требовать от нее жертв, дисциплины, самообуздания и труда? К чему все это теперь? Что это значит? Что это предвещает? Не заблуждайтесь! Рабство, которое они сегодня налагают на самих себя, они завтра наложат на весь мир. Неужели человек никогда не отдохнет, никогда не будет свободен? Наступит время, когда им опять понадобится пушечное мясо для их Межпланетных орудий, когда вас, в свой черед, заставят лететь на чуждые планеты и в страшные, гнусные места далеко за приветными звездами! Говорю вам: мы должны

остановить эту бессмысленную тягу к немыслимым, бесчеловечным экспериментам, и остановить сейчас. Я говорю: конец этому Прогрессу! Положите конец такому Прогрессу! Мы довольны простой, чувственной, ограниченной, милой человеческой жизнью и другой не хотим. Между мрачным прошлым истории и неисповедимым будущим урвем нынешний день для жизни. Что для нас будущее? Дайте земле мир и не мешайте нам спокойно существовать!»

Фосфоресцирующая друзопустота глубоко в земле. Друзовидная пустота — это пещера в камне, в которой с незапамятных

времен свободно кристаллизуются минералы. Беспорядочное нагромождение крупных темных и светлых кристаллов. Сбоку в эту массу врезывается конец огромного сверла и останавливается. Сверло отходит назад, и в пещеру влезают двое юношей и девушка в блестящих белых одеждах в обтяжку, с лампочками на лбу.

Первый молодой человек. Мы здесь в десяти милях от поверхности земли. И никаких расплавленных пород, вместо них эта Алладинова пещера!

Девушка. И драгоценные камни! Чего бы не отдала за них моя прабабушка!

Второй молодой человек.

Любопытно бы знать, что делается наверху!

На груди у него, на месте кармана, маленький телевизор, и он поворачивает его, чтобы посмотреть. Остальные заглядывают через его плечо. Телевизор показывает Теотокопулоса, который кланяется и отворачивается. Звуковой эффект: гром аплодисментов.

Девушка. Это Теотокопулос. Он кончил. Но мы знаем, что он хотел сказать. Мы это уже слышали. Нет ли чего-нибудь еще?

Первый молодой человек.
Этот Теотокопулос — старый дурак.

Второй молодой человек.

Милым деткам не надо больше никогда рисковать! Только играть картиночками и петь песенки!

Первый молодой человек. И придумывать новые, особенные способы целоваться-миловаться.

Второй молодой человек. Но заметьте себе, что эта чушь взбудоражит немало лентяев в городах. Они ненавидят эти бесконечные искания и экспериментирование. Какое им до этого дело? У них это просто зависть. Это задевает их самолюбие. Сами они не хотят этим заниматься, но не выносят, когда кто-нибудь другой принимается за это...

На сцене толпа, собравшаяся

перед огромным центральным экраном, за которым говорил Теотокопулос. Толпа расходится, и мы видим теперь лица людей.

Один мужчина другому. Он прав. Межпланетное орудие — оскорбление всех человеческих инстинктов!

Женщина. Будь я этим Пасуорти, я бы убила Кэбэла!

Другой мужчина. Прямо тоска берет по доброму старому времени, когда была честная война и простая преданность чести и знамени. Подумаешь, Межпланетное орудие! Куда идет мир?

Женщина. Жаль, что я не жила в старое доброе время, до того, как

нами завладела эта ужасная наука!

Три глубоких старца сидят в уютной, увитой виноградом беседке, пьют и беседуют. Они свежи и крепки. Их можно принять за худощавых благообразных джентльменов лет под шестьдесят. Как и у всех людей нового века, их густые волосы аккуратно причесаны, но искусственно посеребрены.

Первый старик. Нынче день моего рождения.

Второй старик. И сколько же вам?

Первый старик. Сто два.

Второй старик. А мне только девяносто восемь!

Третий старик. А мне сто

девять!

Первый старик. Где бы мы находились сто лет тому назад?

Второй старик. В земле.

Первый старик. Или хуже того.

Третий старик (запевает).

«Поднимем стаканов веселое бремя
за старое доброе время!»

Хор. «За рот без зубов,
ревматизм и подагру».

Соло. «Навеки избыли мы, слава
Творцу, потемки, и спешку, и быта
грязцу. Гнилую горячку, нефрит,
диабет; слепых и глухих у нас больше
нет!»

Хор. «За рот без зубов,
ревматизм и подагру».

Третий старик. «То старцев

обычный удел в старину!» (Чокаются и пьют.) Первый старик (после многозначительной паузы). А это за Теотокопулоса!

Детский сад 2055 года. Дети лепят из пластилина, рисуют на листах бумаги, строят из кубиков или гоняются друг за дружкой. В игре принимают участие сиамский или белый персидский котенок, или ручные рыжие белки.

Две женщины на переднем плане беседуют.

Первая женщина. В 1900 году из каждых шести детей один умирал на первом году жизни. Теперь смерть ребенка — редчайшее событие.

Вторая женщина. Неужели

один из шести?

Первая женщина. Это была самая низкая смертность в мире. В Англии. А из каждой сотни рожавших женщин три были обречены на смерть. Подумайте только: каждый год умирали тысячи рожениц! А теперь смерть от родов — неслыханное дело. Но тогда это было естественно.

Огромная научно-исследовательская лаборатория 2055 года. Ярус над ярусом, видны сотни работников, мужчин и женщин, большей частью в белых комбинезонах. Научная работа стала достоянием несчетного количества людей. Работают у микроскопов и за

столами. То тут, то там вспыхивают снопы света. На переднем плане двое мужчин наблюдают какие-то ярко освещенные шары и водоемы, в которых движутся неясные фигуры мелких рыбообразных созданий.

Внимание их отвлекает что-то, находящееся вне кадра, входит женщина, несущая маленькую собачку с очень умной мордочкой.

Первый Научный Работник.
Хэлло! Что это у вас?

Женщина. Это последнее слово генетики собаки. Эту работу начал в России Павлов лет сто двадцать назад. Посмотрите на эту милую крошку. Она только что не говорит. Она никогда не будет хворать! Она

проживет до тридцати лет, здоровая и крепкая! И бегают она, как вихрь. Повиляй хвостиком, милая, и поблагодари Тетю Науку за ее благодеяния?

Кто-то кричит другим работникам: «Собака наших дней! Идите, посмотрите!»

Работники с разных ярусов встают из-за столов и спускаются смотреть собаку. Другие заняты своим делом и не обращают внимания. Около нового образчика собирается небольшая толпа.

Второй Научный Работник.
Надо научить ее кусать Теотокопулоса!

Третий Научный Работник (с

негодованием). О! Теотокопулос!

Женщина. Милый старый мир! Мы с вами работали бы, вероятно, в какой-нибудь трущобе за четыре пенса в час. Вместо того, чтобы дружить с лучшей в мире собачкой! (Ласкает ее.) Верно? Верно?

Группа вокруг собачки.

Первый Научный Работник. Многие из нас только-только умели бы читать, и мы были бы какими-нибудь счетоводами или землекопами.

Второй Научный Работник. Или безработными.

Женщина. А теперь всегда есть что-нибудь новое и интересное. О! Избавьте меня от этой естественной

жизни человека!

Первый Научный Работник. А что это такое — естественная жизнь человека?

Второй Научный Работник. Вши и блохи. Бесконечные инфекции. В начале жизни круп, в конце — рак. Гнилые зубы к сорока годам. Злость и раздражительность... А эти дураки слушают Теотокопулоса. Им нужна Романтика! Им нужны прежние знамена. Война и все милые человеческие гадости. Они воображают, что мы роботы, а муштрованные солдаты старого времени не были ими. Им нужен Милый Старый Мир и чтобы

кончилась эта гадкая Наука!..

14. Борьба за межпланетное орудие

Сцена представляет собой холл перед столовой-альковом, в которой должны обедать Кэбэл, Пасуорти, Кэтрин и Морис. Они обедают в половине пятого или в пять, ибо обед перенесен на те часы, когда обедали в семнадцатом веке, а второй завтрак исчез. Люди завтракают, обедают и ужинают, и притом в самые разнообразные часы, потому что теперь нет больше смены света и темноты, определяющей сутки.

Альков представляет собой нечто вроде застекленного балкона, выходящего на одну из больших Городских Дорог. Когда стеклянные окна закрываются, становится совершенно тихо. Когда их открывают, снизу доносятся звуки. На диване сидят рядышком Морис и Кэтрин, очень довольные друг другом. Они поглядывают вверх, точно видят что-то сквозь прозрачный потолок; затем встают, когда в небольшой двери показывается Пасуорти.

Пасуорти. Итак, три дня, которые мы дали себе на размышление, прошли. Вы не передумали?

Морис. Мы не могли передумать, отец. Не создавай нам трудностей!

Пасуорти (обращаясь к Кэтрин). Где ваш отец?

Кэтрин. Он шел сюда со мной, но его вызвали от Мордена Митани, которому нужно было сообщить ему что-то срочное.

Пасуорти. Морден Митани?

Кэтрин. Контролер Движения и Порядка. Отец остался подождать его, чтобы поговорить.

У Кэбэла. Кэбэл приветствует Мордена Митани — энергичного красивого мужчину в темном костюме.

Кэбэл. Я как раз шел обедать в

Купол. Я уже опаздываю!

Морден Митани. В таком случае я не стану вас задерживать разговором. Я пройду с вами по Городским Дорогам к Куполу. Так будет лучше. Я хочу, чтобы вы кое-что увидели и узнали.

Одна из Городских Дорог. Морден Митани и Кэбэл входят в кадр и останавливаются на удобном месте, на высоком мосту, с которого далеко внизу видна огромная арена.

Митани. Вот что я хотел показать вам!

Далеко внизу небольшая кучка людей собирается, образуя какую-то процессию. Аппарат снимает их сверху. Они поют какую-то

мятежную песню.

Кэбэл. Что они делают? Это процессия? Довольно нестройная.

Митани. Это, как они это называют? Демонстрация. Беспорядки.

Кэбэл. Но в чем же дело?

Митани тянет его назад, за пилястру. На мост входят люди, чтобы посмотреть толпу внизу. Они не замечают Кэбэла и Митани.

Кэбэл и Митани крупным планом в конфиденциальной беседе.

Митани (вполголоса). Это результат речей Теотокопулоса. Ему нельзя было позволить говорить в зеркалах!

Кэбэл. Мир должен

пользоваться свободой слова. От этого мы не сможем отступить. Люди должны мыслить самостоятельно.

Митани. Тогда миру придется опять завести полицию. Только для того, чтобы удерживать людей от слишком опрометчивых действий по случайному внушению.

Кэбэл. А что он может сделать?

Митани. Его принимают очень всерьез. Очень всерьез! Они хотят силой не допустить выстрела из Межпланетного орудия. Они толкуют — как это они выражаются? — о спасении жертв.

Кэбэл. Как же это так? Ведь жертвы летят добровольно.

Митани. Они все-таки

возражают!

Кэбэл. Так что, если возражают?

Митани. Они вмешиваются. Они организуют — как это называлось? — восстание. То, что происходит внизу, — это восстание!

Кэбэл. Против кого?

Митани. Против Совета.

Кэбэл. Восстание! Этого я не могу себе представить. В прошлом бывали восстания угнетенных классов, а теперь у нас нет угнетенных классов. Каждый выполняет свою долю работы, и каждый получает свою долю изобилия. Может ли человечество восстать против самого себя? Нет. То,

что происходит внизу, — просто маленькое волнение. Чего может достигнуть этим Теотокопулос?

Митани. Он собирает большие толпы. По всему городу творится то же самое. У нас теперь нет ни полиции, ни войск, ни оружия, чтобы предотвращать общественные беспорядки. Мы думали, что с этим покончено навсегда. «Спаси жертвы от Кэбэла», — говорит он. Он выступает против вас: «Спасите жертвы от Кэбэла!»

Кэбэл. Разве одна из них не моя собственная дочь? Моя единственная дочь!

Митани. Он говорит, что это только свидетельствует о вашем

бессердечии — показывает, в какое чудовище наука может превратить человека. Он сравнивает вас с древними греками, отправлявшими своих детей к Минотавру.

Кэбэл. А если бы я отправил чужих детей, а свое дитя спас?

Митани. Ему бы вы все равно не угодили.

Кэбэл. В конце концов что он может сделать?

Митани. Межпланетное орудие стоит на берегу моря. Охраны при нем почти никакой. Уже пятьдесят лет как на нашей планете ничего не охраняют.

Кэбэл. Тогда вам придется организовать какую-нибудь охрану. В

конце концов у вас есть путевые рабочие и самолеты инспекции. Этого должно хватить. А если возникнут крупные волнения, разве у нас нет Умиротворяющего Газа?

Митани. Газа нет.

Кэбэл. Действительно нет?

Митани. По крайней мере, официально. В нем не было надобности. Мир был спокоен, потому что был доволен, а доволен он был потому, что у каждого было какое-нибудь занятие. Не было оснований хранить этот газ. Он уже семьдесят лет как не применялся. Но теперь я хочу собрать Совет и получить санкцию на немедленное изготовление его и использование в

случае надобности.

Кэбэл. Созовите Совет, но не задержит ли это вас?

Митани. Ну, я кое-что предвидел. Я заказал некоторое его количество.

Кэбэл. Правильно. Мы это утвердим.

Митани. Через несколько часов его будет произведено по меньшей мере десять тонн, и наши самолеты будут готовы действовать. Но все-таки на это нужно некоторое время. Быть может, несколько часов.

Кэбэл. О, этот старый Умиротворяющий Газ! Как не хочется вновь пускать его в ход! Но раз люди не хотят дать нам свободу

распоряжаться космосом, нам придется применить его.

Митани. Стало быть, вы поддержите меня в моих действиях?

Кэбэл. Целиком! Но все это кажется мне невероятным. Восстание! Против исследований! Человечество ополчается на науку и предприимчивость! Хочет требовать остановки! Это каприз, Митани.

Митани. Это опасный каприз.

Кэбэл. Это нервный припадок — при мысли о том, чтобы сойти с нашей планеты и прыгнуть в космос. Но прежде всего нужно спасти оружие.

Митани. Это прежде всего!

Митани уходит, а Кэбэл

приближается к аппарату.

Кэбэл (говорит сам с собой). Неужели наши темпы оказались слишком трудными для Человечества? Человечество! А что такое Человечество? Теотокопулос? Или милейший старик Пасуорти? Или Роуэна? Или я?

Альков-столовая. Далеко внизу видны улицы. Обед подходит к концу. Кэбэл, Пасуорти, Кэтрин и Морис. Морис нажимает кнопку, и на стеклянном конвейере появляется блюдо с фруктами. Морис ставит блюдо на стол. Он и Кэтрин начинают есть. Пасуорти не ест. Он смотрит на молодых людей. Наконец он говорит.

Пасуорти. Разве жизнь недостаточно хороша для вас здесь? Здесь вы находитесь в надежном и прекрасном мире. Молодые влюбленные. Только что начавшие жить. И вы хотите уйти в этот ужас! Пусть это делает кто-нибудь, кому жизнь надоела.

Кэтрин. Нам нужны молодые люди, здоровые, быстрые и находчивые. И мы подходящие молодые люди. Мы умеем наблюдать, мы можем вернуться и рассказать обо всем.

Пасуорти. Кэбэл! Я хочу задать вам один простой вопрос. Зачем вы позволяете вашей дочери мечтать об этом безумном полете на Луну?

Кэбэл (Он сидел молча, в задумчивости. Теперь смотрит на дочь и отвечает неторопливо). Потому что я люблю ее. Потому что я хочу, чтобы она жила как можно лучше. Тянуть жизнь до последней секунды — не значит жить как можно лучше. Чем ближе к кости, тем мясо вкуснее.

Кэтрин протягивает ему руку. Кэбэл берет руку Кэтрин.

Пасуорти. Я сломленный человек. Я не знаю, где честь, где бесчестье.

Кэбэл (к дочери). Дорогая моя, я люблю тебя — и у меня нет сомнений.

Морис. Сто лет назад все

достойные называться людьми, не колеблясь, отдавали свою жизнь на войне. Когда я читаю об этих окопах...

Кэбэл. Нет! Лишь очень немногие отдавали свою жизнь на войне. Этим немногих побуждала какая-нибудь трагическая благородная необходимость. Что же касается прочих, то они рисковали своей жизнью, — и это все, что предстоит вам обоим. Вам нужно сделать все возможное, чтобы вернуться целыми и невредимыми. И не вы одни подвергаетесь риску. Разве у нас нет людей, исследующих морские глубины, воспитывающих опасных зверей и дружащих с ними и

со всевозможными другими опасностями, играющих гигантскими силами природы, балансирующих на краю озер из расплавленного металла?..

Пасуорти. Но все это для того, чтобы сделать мир безопасным для человека, надежным для счастья.

Кэбэл. Нет. Мир никогда не будет безопасен для человека — и не в безопасности счастье. У вас неправильный взгляд на вещи, Пасуорти. Наши отцы и деды упразднили старый порядок, потому что он убивал детей, потому что он губил людей, потому что он зря мучил людей, потому что он оскорблял человеческую гордость и

достоинство, потому что он являл собой уродливую картину пустой растраты сил. Но это было только начало. В страдании нет ничего дурного, если человек страдает ради какой-то цели. Наша резолюция не упразднила смерти или опасности. Она просто показала, ради чего стоит умирать и подвергаться опасности.

Неожиданно входит Морден Митани. Он в состоянии величайшего возбуждения. Кэбэл порывисто встает и с тревогой смотрит на него.

Митани. Кэбэл! Орудию грозит непосредственная опасность! Если мы хотим спасти его, нельзя терять

ни минуты. События развиваются слишком стремительно. Теотокопулос уже двинулся с толпой народа. Он направляется к Межпланетному орудью. Они хотят уничтожить его. Они говорят, что оно символ вашей тирании.

Кэбэл. У них есть оружие?

Митани. Металлические брусья. Они могут порвать электрические провода. Они могут наделать непоправимых бед!

Кэбэл. Разве у нас нет никакого оружия? Нельзя ли из вашего Контроля Движения выделить отряд полиции?

Митани. Людей очень мало... У нас нет ничего, кроме

Умиротворяющего Газа. А он не готов. Понадобится еще несколько часов. Мы можем созвать кой-каких молодых людей. В течение некоторого времени мы должны сдерживать эту толпу — чего бы это ни стоило, — пока не будет готов Умиротворяющий Газ.

Пасуорти. (У окна). Смотрите!

Кэбэл и остальные подходят к окну. Пасуорти указывает вниз, на улицы. Внезапный звуковой эффект. Аппарат снимает от Пасуорти вниз. Толпа идет, распевая мятежную песню. Кэбэл и все, кто с ним, смотрят вниз.

Вбегает технический помощник и подходит к Митани. Он что-то

говорит, но его не слышно. Кэбэл жестом указывает на окно, которое Митани закрывает. Шум мгновенно прекращается.

Помощник. Это бунт! Это — возвращение варварства!

Кэбэл. Кто вы?

Помощник показывает опознавательный диск на своей рукавице. На диске надпись: «Уильям Джинз. Астрономическая служба — Межпланетное орудие».

Митани. Им придется идти пешком. Мы закрыли все воздушные пути. У них это отнимет час или больше. Даже у тех, кто уже выступил. И тогда еще они не сразу решатся.

Помощник. Нельзя дать разрушить орудие. Это огромное сооружение. Какая жалость, если они разобьют его! Когда проделаны все испытания! Когда все готово!

Морис. Когда все готово!

Его осеняет какая-то мысль; он смотрит на Кэтрин. Кэтрин поняла его.

Пасуорти. А если они разнесут это проклятое орудие, честь спасена, и вам не надо лететь.

Морис. Отец! Отец?

Кэбэл. Они не разнесут это орудие.

Морис (Волнуясь, помощнику). А что, если выстрелить сейчас? Цилиндр попадет на Луну?

Помощник (поглядев на свои часы). Сейчас он не попадет и улетит в мировое пространство. Но... сейчас пять часов. Если выстрелить около семи...

Кэтрин. И... это возможно?

Помощник. Да.

Морис и Кэтрин смотрят друг на друга. Они понимают друг друга.

Кэтрин. В таком случае...

Морис. Мы летим сегодня.

Кэбэл. Почему бы и нет?

Помощник. Это вполне ВОЗМОЖНО.

Пасуорти (кричит). Я протестую!.. О, я не знаю, что сказать. Не улетайте! Не улетайте!

Морис. Если мы не полетим

сейчас, мы, может быть, никогда не полетим. И всю жизнь будем чувствовать, что уклонились от долга, что жили напрасно... Ведь для этого главным образом мы существуем! Отец, мы должны лететь!

Туннель, выводящий из города.
Картина: толпа идет к орудию.

Картина: толпа выходит из туннеля.

Группы людей выходят из города разными путями, собираются в одну толпу и движутся к орудию. (Эта толпа так же хорошо одета, как все в фильме. У нее нарядный и опрятный вид, присущий всем в новом мире. Мы становимся свидетелями отнюдь

не социального конфликта. Это не
Неимущие нападают на Имущих; это
Люди Действия подвергаются
нападению Бездельников.)

15. Межпланетное орудие стреляет

В самолете. Кэбэл, Пасуорти, Кэтрин и Морис. Они летят к орудию. Смотрят в окна. Вдали виднеется орудие, притаившееся между холмами, как огромный металлический зверь.

Затем мы видим через окна, что самолет приземляется вертикально у самого Межпланетного орудия. Сперва облака, затем скала, а затем огромные балки, кабели и машины. Самолет касается земли около гигантских амортизаторов орудия.

Митани встречает Кэбэла,

Пасуорти, Кэтрин и Мориса при выходе их из самолета, они смотрят вверх, на орудие. Аппарат показывает огромные пропорции этого сооружения.

Межпланетное орудие подавляет, оно огромно, монументально, чудовищно. На постаменте его находятся молодые спортсмены; завидев Кэтрин и Мориса, они восторженно приветствуют их. Кэтрин и Морис направляются к своим друзьям. Братский прием. Кэбэл, Пасуорти и Митани медленно следуют за ними.

Они приближаются к лифту. Кэбэл и Пасуорти стоят у входа. Митани около двери.

Митани (Кэбэлу). Поднимитесь на площадку. Мы будем сторожить внизу.

Кэбэл и Пасуорти входят в лифт.

Лифт останавливается у высокой площадки ярдах в двадцати ниже уровня цилиндра, которым выстрелят в Луну. Он висит теперь над жерлом орудия, поддерживаемый почти невидимыми тонкими металлическими тросами.

Кэбэл выходит из лифта на эту площадку, за ним Пасуорти. Кэбэл подходит к перилам и смотрит вниз. Аппарат следует за взглядом Кэбэла и показывает Межпланетное орудие сверху. Вдали, сквозь тросы, видны Теотокопулос и его толпа,

направляющиеся к Межпланетному орудию. Кэбэл, Пасуорти, Кэтрин и Морис стоят на площадке. Они поднимают глаза. Прямо над их головами виден цилиндр, медленно опускаемый к жерлу орудия.

По мере приближения толпы мятежная песнь звучит все громче.

Показывается Теотокопулос и его толпа. Они появляются на гребне скалы, на фоне неба, и, несмотря ни на какие трудности постановки, нельзя допустить, чтобы драматический эффект их появления был ослаблен.

Они разом останавливаются (пение также умолкает сразу) и смотрят. Кадры: Теотокопулос и

толпа смотрят вверх.

Цилиндр опускается и наконец повисает у жерла пушки.

Теотокопулос (замечает Кэбэла и указывает на него). Вот этот человек...

Негодующие крики.

Аппарат медленно переводится к Кэбэлу через сеть сооружений около орудия, создавая впечатление огромной пропасти, зияющей между этими двумя людьми. Последующий разговор выкрикивается при помощи усилителей через большое пространство. Эти усилители должны быть показаны, но не слишком подчеркнуто.

Позади Кэбэла стоят Пасуорти,

Кэтрин и Морис. К ним приближается молодой механик.

Механик. Все готово.

Напряженный момент.

Кэтрин, не произнося ни слова, прощается с отцом. Морис хватает руку Пасуорти обеими руками, пытаясь успокоить его и придать ему мужества и достоинства.

Кэтрин и Морис уходят, за ними следует механик.

Крупным планом показано скорбно-спокойное лицо Кэбэла.

Теотокопулос (издали). Вот человек, который хотел принести свою дочь в жертву Дьяволу Науки!

Кэбэл (услышал эти слова, и они возмущают его; он подходит к

перилам и обращается к Теотокопулосу). Что вам здесь нужно?

Аппарат теперь направлен на Теотокопулоса и остается в таком положении во время всей последующей беседы. Кэбэла слышно, но не видно.

Теотокопулос. Мы хотим спасти этих молодых людей от ваших экспериментов. Мы хотим положить конец этим бесчеловечным дурачествам. Мы хотим сделать мир безопасным для людей. Мы намерены уничтожить это оружие.

Кэбэл. А как вы это сделаете?

Теотокопулос. О! У нас тоже есть электротехники!

Кэбэл. Мы, люди нашего типа, вправе поступать со своей жизнью как нам угодно.

Теотокопулос. Как можем мы это делать, когда ваша наука и изобретения постоянно изменяют нашу жизнь, когда вы вечно все перестраиваете и у нас на глазах все время придумываете что-то новое? Когда то, что мы считаем великим, вы сводите до мелочей? Когда то, что нам кажется сильным, вы сводите до слабости? Мы не хотим жить в одном мире с вами! Мы не хотим этой экспедиции. Мы не хотим, чтобы люди летали на Луну и другие планеты. Мы больше возненавидим вас, если вы добьетесь успеха, чем

если вы потерпите неудачу. Неужели в этом мире никогда не будет покоя?

Аппарат возвращается на площадку к Пасуорти и Кэбэлу.

Пасуорти с безмолвной мукой слушал разговор. Теперь он обращается против Кэбэла. Но он кричит так громко, что слышат все.

Пасуорти. Да, я тоже спрашиваю вас, будет ли когда-нибудь покой? Никогда? Это мой сын! И он восстал на меня. То, что он делает, он делает наперекор инстинктам моего сердца! Кэбэл, я умоляю вас! Неужели человечество никогда не будет знать покоя и счастья?

Громкий рев толпы

приветствует его слова. Аппарат снимает толпу. Толпа в общем порыве начинает подвигаться к Межпланетному орудию. Сперва мы видим массу лиц, а затем толпу издали. Теперь она напоминает муравьев, лентой пересекающих пол большой комнаты.

Верхушка орудия с цилиндром в дуле. Кэтрин и Морис стоят у отвинчивающейся дверцы в дне цилиндра, похожей на паровой иллюминатор. На них теперь специальная одежда, очень простая и плотно облегающая тело. Механики помогают им занять места внутри цилиндра.

На секунду показана толпа,

карабкающаяся по решеткам с края скалы к орудию.

Внутренность цилиндра, освещенного снизу. Кэтрин и Морис, повисшие на ремнях, распростерлись, как орел на монетах. Внизу видны лица механиков. Морис смотрит на Кэтрин.

Морис. Хочешь вернуться?

Кэтрин (улыбается). Держись крепче, мой милый!

Дверца цилиндра медленно завинчивается — сцена постепенно темнеет, пока не наступает полный мрак, и в этом мраке теряются лица и фигуры Кэтрин и Мориса.

Толпа, добравшаяся до орудия,

волнуется.

Митани с площадки смотрит вниз на толпу, потом на часы у себя на руке. Он взглядывает на цилиндр.

Вид цилиндра снизу. Он спускается очень медленно и совершенно исчезает в дуле орудия. Тросы отцепляются и отходят.

Толпа карабкается по основанию орудия.

Кэбэл (стоит в одиночестве. Его мысли и чувства побуждают его говорить. Он подходит к перилам).
Слушайте. Теотокопулос! Если бы даже я хотел уступить вам, я не мог бы этого сделать. Не мы воюем против порядка вещей, а вы! Жизнь либо идет вперед, либо пятится

назад. Таков закон жизни.

Теотокопулос (жестом отстраняет этот довод). Мы уничтожим орудие.

Его приспешники поднимают одобрительный крик и возобновляют свое нестройное и беспорядочное наступление.

На площадке видны Кэбэл и Пасуорти, а на заднем плане стоит механик перед небольшой тяжелой открытой дверцей амортизационной камеры. Кэбэл перегнулся через перила, наблюдая толпу внизу.

Кэбэл (кричит вниз). Прежде чем вы даже успеете добраться до основания орудия, оно выстрелит! Берегитесь толчка!

Он оглядывается. Пасуорти неподвижен. Кэбэл тянет Пасуорти к тяжелой дверце.

Внизу видна толпа, кишущая вокруг подпорок орудия. Люди, из которых многие пришли с тяжелыми металлическими брусьями, пытаются повредить огромные массы металла.

Стол в наблюдательной камере. У кнопки — рука, застывшая в ожидании. Часовой циферблат с длинной, тонкой секундной стрелкой.

Голос Кэбэла: Берегитесь! Берегитесь сотрясения!

Толпа колеблется. Стук захлопнувшейся тяжелой дверцы.

Безмолвное ожидание. Толпа поняла, что действовать поздно. Она колеблется, затем поворачивается и начинает спускаться вниз по решеткам, по которым только что взбиралась, и разбегаться.

Стол и рука в наблюдательной камере. Секундная стрелка на циферблате подвигается к отмеченной точке. Когда она достигает ее, палец протягивается и нажимает кнопку.

Удар.

Эффекты толчка в крупном масштабе. Пушка откатывается назад. Толпу разметало, как вихрем.

Теотокопулос, стоявший на фоне неба на большой металлической

балке, попадает в вихрь, плащ взлетает ему на голову. Он смешно борется с собственным плащом, и больше мы его не видим.

Тучи пыли затемняют экран и рассеиваются, показывая толпу после толчка. Одни зажимают руками уши, словно ушам больно, другие смотрят из-под руки на небо.

Затем толпа начинает двигаться к городу. Кадры жителей, в беспорядке вступающих в город, то и дело останавливающихся, чтобы посмотреть на небо.

16. Финал

Обсерватория высоко над Эвритауном. В зеркале телескопа ночное небо и цилиндр в виде крохотного пятнышка на звездном фоне.

Кэбэл. Вон! Вон они летят! Вот это слабое светлое пятнышко.

Пауза.

Пасуорти. Я чувствую... что то, что мы сделали, чудовищно.

Кэбэл. То, что они сделали, великолепно!

Пасуорти. Они вернутся?

Кэбэл. И опять полетят. И опять — пока не станет возможным

высадиться на луне и луна не будет завоевана. Это только начало.

Пасуорти. А если они не вернутся — мой сын и ваша дочь? Что тогда, Кэбэл?

Кэбэл (дрогнувшим голосом, но решительно). Тогда полетят другие.

Пасуорти. Боже мой! Неужели никогда не наступит век покоя? Неужели никогда не будет отдыха?

Кэбэл. Каждый человек находит покой. Его слишком много, и наступает он слишком рано, и мы называем его смертью. Но для ЧЕЛОВЕКА нет отдыха и нет конца. Он должен идти вперед — от победы к победе. Познать нашу маленькую планету, и ее пути, и ветры, и все

законы духа и материи, которые стесняют его. Потом полет на планеты, окружающие его, и наконец в бесконечное мировое пространство, к звездам. И когда наконец он покорит все пучины пространства и все тайны времени, он все еще будет у начала.

Пасуорти. Но мы такие маленькие создания. Бедное человечество. Такое хрупкое, такое слабое.

Кэбэл. Маленькие животные, а?

Пасуорти. Маленькие животные.

Кэбэл. Если мы не больше как животные, мы должны урвать у жизни крупицу счастья, и жить, и

страдать, и умирать, имея не больше значения, чем его имеют — или имели — все другие животные. (Он указывает на звезды.) Что ж, так или вот так? Вся Вселенная — или ничто... Выбирайте, Пасуорти!

Оба растворяются на звездном фоне так, что остаются только звезды.

Все покрывает музыкальный финал.

Слышится голос Кэбэла, повторяющего сквозь музыку: «Выбирайте, Пасуорти. Что лучше?»

В зале отдается эхом более громкий и сильный голос: ЧТО ЛУЧШЕ?

notes

Примечания

Речь идет о книге Уэллса «Облик грядущего», написанной за два года до сценария, в 1933 году.

«Живая реклама» — люди, носящие по улицам плакаты и афиши, скрывающие их, как футляр.

Пиппа — героиня драмы английского поэта Роберта Браунинга (1812–1889) «Пиппа проходит»; припев ее песенки: «В небе бог — и в мире все в порядке».

«Ноэль» — припев английских
рождественских гимнов

Мир во всем мире (лат.)